

Статья / Article

Хайдаков К.С. Оружие Северного Кавказа, история, взаимовлияние. Критический взгляд на устоявшиеся теории // Историческое оружиеведение. — 2024. — № 13. — С. 372 — 431.

Khaidakov K.S. (2024). Oruzhie Severnogo Kavkaza, istorija, vzaimovlijanie. Kriticheskij vzgljad na ustojavshiesja teorii [Arms of the North Caucasus. A critical view on established theories]. *Istoricheskoe oruzhievedenie* [Weapons History Journal], № 13, pp. 373 — 432.

Received: 29 November 2023 / *Accepted:* 14 January 2024 / *Published:* 15 February 2024

Copyright © 2024 The Author, The Center of Support and Development of Actual Research in the Field of Historical Weaponry (АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области Исторического оружиеведения»). This is an open access article distributed under the terms of the Creative Commons CC-BY license ([CC BY 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

№13, 2024

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-63760 от 16.11.2015 г.
ISSN: 2713-1491
eLIBRARY ID: 57987
Издатель: АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения»
Свидетельство Министерства юстиции Российской Федерации от 22.07.2015 г.
Учетный № 7714056109

Copyright © 2024 авторы, АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения».
This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Хайдаков К.С.

Оружие Северного Кавказа, история, взаимовлияние.

Критический взгляд на устоявшиеся теории

Arms of the North Caucasus. A critical view on established theories

Хайдаков Камил Саидович — независимый исследователь в области восточного исторического оружия (Москва, Россия).

Kamil S. Khaidakov — private researcher in the field of oriental historical weapons (Moscow, Russia).

x-k-c@Yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрены исторические события, происходившие на Северном Кавказе в XIII-XIX вв. и повлиявшие на формирование оружейного комплекса региона. Показаны такие факторы, как влияние крупных государств, торговых отношений, заимствований, а также процессы самостоятельной эволюции различных видов оружия, представлены как исторические источники, так и проанализированы исследования современных авторов.

В результате исследования делается вывод, что военизированные общества Северного Кавказа в разное время перенимали оружейную культуру других государств: Хазарского Каганата, Золотой Орды, Италии, Персии, Египта, Османской Порты, Российской империи. При этом местное производство оружия не покрывало необходимых потребностей как в качественном, так и в количественном отношении. Большая часть бытовавшего на Северном Кавказе клинкового и огнестрельного оружия, по мнению автора, лишь украшалась в местных традициях или была переделана позднее местными мастерами. Также не вполне обосновано вести речь исключительно о черкесских образцах оружия, учитывая незначительное количество сохранившихся исторических предметов, — этот вопрос требует дальнейшего исследования.

В работе рассмотрены некоторые типы сабель, шашек и кинжалов. Представлены сведения о сохранившихся исторических образцах, бытовавших в регионе. Приведены исторические источники о производстве оружия и его поступлении в регион.

Затронута тема этимологии некоторых исторических терминов, их использования, развития и трактовки в разное время. Также в работе затронут вопрос атрибуционных признаков черкесского оружия. Орнаментику и стиль отделки черкесского оружия автор выделил как основной признак при идентификации местных образцов или их имитаций в других регионах.

Несмотря на то, что выводы автора частично не совпадают с некоторыми устоявшимися в оружейведении теориями, обсуждение сложных тем и даже конструктивная конфронтация представляются полезными и даже необходимыми для научной дискуссии по спорным историческим вопросам.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Черкесия, адыги, кавказское оружие, шашка, кинжал, огнестрельное оружие.

Abstract: The article deals with historical events which took place in the North Caucasus in the 13th-19th centuries and influenced the formation of the region's arms complex. It analyzes such factors as the influence of large states, trade relations, borrowings, as well as the processes of independent evolution of various arms types. Both historical sources and studies by modern authors are presented.

The study concludes that during different periods militarized societies of the North Caucasus adopted arms culture of other states: the Khazar Khaganate, the Golden Horde, Italy, Persia, Egypt, the Ottoman Porte, and the Russian Empire. At the same time, local arms production did not cover necessary needs both qualitatively or quantitatively. In the author's opinion, most of cold and fire arms used in the North Caucasus were only decorated in local traditions or were remade later by local craftsmen. It is also not quite justified to speak exclusively about Circassian arms, given the small number of surviving historical items – this issue requires further research.

The work considers certain types of sabres, shashkas and kindjals. Information on surviving historical samples used in the region is presented. Historical sources on arms production and its inflow into the region are provided.

The author covers etymology of certain historical terms, their use, development and interpretation at different periods of time. The paper also raises the issue of attributional features of Circassian arms. The author singles out ornamentation and finishing style of Circassian arms as the main feature in the identification of local samples or their imitations in other regions.

Although the author's conclusions partially disagree with some of the established theories in weaponology, the discussion of complex topics and constructive confrontation appear useful and even necessary for scientific discussion of controversial historical issues.

Keywords: the North Caucasus, Circassia, Adyghe, Caucasian arms, shashka, kindjal, fire arms.

Оружие и вооружение относятся к числу важнейших памятников и артефактов материальной культуры государств и этносов, а их изучение позволяет глубже понять историю народов, раскрыть специфику менталитета, мировосприятия, структуру этнокультурных сообществ. При этом особое значение данная задача приобретает в условиях многонационального российского государства. Погружение в уникальную культурную среду каждого этноса или региона направлено не только на восполнение пробелов в исторической науке, знаниях о культуре и искусстве, но и на дальнейшее развитие межэтнического диалога, укрепление дружеских отношений между представителями различных верований и национальностей.

В этой связи попытки установить подлинную природу того или иного культурного феномена через рассмотрение фактов, изучение и анализ материальных памятников именно с помощью научного подхода, исследования и открытые дискуссии представляются более надежным решением указанных вопросов без сползания к околонучным спекуляциям или педалированию исключительно национальных и этнических вопросов.

Именно на такой основе в данной статье будет предпринята попытка рассмотрения разрозненных сведений и мнений по так называемому «черкесскому» вопросу оружиеведения. При этом автор не претендует на полноту охвата или глубину анализа. Это именно попытка перевести существующую дискуссию по указанному вопросу в плоскость научных исследований и соответствующего им дискурса.

Оружейные культуры разных народов Кавказского региона нельзя рассматривать в отрыве друг от друга, вне исторического контекста, за скобками взаимовлияния разных культур и событий прошедшей эпохи. При отсутствии документально и вещественно зафиксированной истории происхождения того или иного вида «местного» оружия, например, на период XVI-XVIII веков, необходимо признать, что многие выводы о его возникновении носят гипотетический характер, а заключения некоторых экспертов весьма спорны и уязвимы. Таким образом, в современном оружиеведении мы подчас имеем дело не столько с проверяемыми и взаимосвязанными фактами, сколько со сложившимися стереотипами.

Для того чтобы осмыслить исторические процессы второго тысячелетия, происходившие в Кавказском регионе, и раскрыть влияние сопредельных государств на жизнь и культуру отдельных народов и царств, проведём выборочный анализ некоторых исторических событий и фактов, в разной степени связанных с военной культурой Северного Кавказа. В ходе такого анализа постараемся проследить формирование комплекса вооружений и его местного производства с учётом социальной структуры, производственных возможностей, технологий и его применения. Также рассмотрим конкретные виды оружия, бытовавшие на Северном Кавказе, их аналоги в других странах, этногенез, распространение в регионе и за его пределами.

Изучая ряд научных публикаций, связанных с затронутой нами непостоянной и политизированной темой, постараемся взвешенно оценить степень доказательной базы в тех или иных случаях. В интересующих нас вопросах необходим, прежде всего, разумный критический подход, в том

числе и в оценке исторических источников, составленных в ряде случаев людьми далёкими от оружейной темы.

Так, например, черкесы — объединяющий экзоэтноним, использовавшийся в русскоязычных документах XVI-XVIII веков. Черкесами или адыгами могли называть как жителей всего Северного Кавказа, Причерноморья и Приазовья, так и жителей части юга России (абазинцы, кабардинцы, бесленеевцы, махошевы, темиргоевцы, жанеевцы, егерукаевцы, бедухи, адзехи, хатукаевцы, натухайцы, шапсуги, убыги). Далее в тексте будем использовать определение «черкесы» или «адыги». В. К. Гарданов пишет: «В первой половине XIX в. стало обычным называть "черкесами" не только абазинцев и убыхов, этнически близких адыгам, но и совершенно отличных от них по языку жителей Дагестана, Чечено-Ингушетии, Осетии, Балкарии, Карачая» (Гарданов 1963, 72-73).

Л. Н. Толстой в черновом наброске «Записок о Кавказе» 1852 года разъяснял, что тех «черкесов», о которых так много писалось и говорилось в то время, как таковых не существует: «Чтобы поставить воображение читателя на ту точку, с которой мы можем понимать друг друга, начну с того, что черкесов нет, есть чеченцы, кумыки, абазехи и т. д.» (Толстой 1932, 216). Тем не менее черкесы были одной из самых значительных групп народов на Кавказе и оказывали сильное влияние не только на весь регион, но и политическую и военную жизнь других стран.

Адыгские воинские формирования фиксируются на протяжении XIV века в составе войск Золотой Орды, когда часть земель Черкесии являлась улусом империи монголов (Тизенгаузен 1941, 32-33). Там же упомянуто о прибавлении войска Джучи-хана за счёт русских, черкесов, кипчаков, маджаров и прочих присоединившихся к ним народов. В 1395 году нашествие Тамерлана (Тимура) разорило Кавказ, оно не обошло и Черкесию, но при этом тимуриды помогли избавиться от власти золотоордынцев в регионе (Указ. соч., 32-33). При распаде Золотой Орды часть территории перешла к Крымскому ханству. Хаджи-Гирей, первый правитель Крымского ханства, в своём ярлыке от 1453 г. указал Копу и Тамань среди подвластных ему городов (Малов 1953, 189). Позднее им же в Тамани была построена мечеть (Челеби 1979, 44).

Вполне естественно, что черкесы, находясь внутри среды монгольского воинства и их традиций, могли перенимать и использовать оружие кочевников более крупной империи Чингизидов.

Важно также учитывать влияние генуэзцев и венецианцев на Приазовский и Черноморский регион, где с XIII века находились их фактории и крепости и осуществлялась активная торговля, вероятно, в том числе и оружием, поставляемым в Золотую Орду и попадавшим в регион. Как известно, прототипом знаменитого клейма «гурда» на кавказских шашках являются клейма венецианских и итальянских мастеров. Оружие позднего средневековья с клеймами подобного типа в большом количестве представлено именно в Венецианском дворце дождей. Это оружейное клеймо затем копировалось на изготавливаемых в более позднее время клинках, в числе ряда других европейских клейм, как на территории Кавказа, так и в Индо-Персидском регионе.

Начиная с 1479 года, Османская Порта после захвата генуэзских поселений предпринимает череду походов на земли Черкесии. В 1539 г. и позднее турки совместно с крымскими татарами совершают несколько походов на княжества Жанетию, Хатукай, Бжедугию, Кабарду. В этих походах уже активно применялось огнестрельное оружие и артиллерия. При отсутствии каменных крепостей в обороне черкесы умело использовали особенности природного ландшафта и высокую подвижность населения и войск, что позволяло им наносить туркам большой урон в боевых действиях и выигрывать сражения. Естественно, оружейная культура Оттоманской порты также была хорошо знакома черкесам, особенно племенам, населяющим черноморское побережье, которые находились в ареале торговых путей и военных столкновений.

Адыги и местное население черноморского побережья довольно активно занимались пиратством на морях и работоторговлей. С падением влияния Византии, которая пыталась как-то бороться с этим явлением до начала XIII в., этот выгодный «промысел» у адыгов становится одним из основных. Генуэзцы и венецианцы наладили в регионе активный спрос на награбленные товары и пленников-рабов. По сведениям М. Баларда, в XV веке

черкесы составляли самую многочисленную группу рабов в Генуе (Balard 1978, 791-792, 799). При инаугурации нового хана черкесы должны были платить своеобразный налог невольниками (тиш), который при Селим-Гирей-хане доходил до 700 невольников (Западно-Кавказские горы... 1891, 18.; Кокиев 2005, 194). Позднее в Анапе находился и крупнейший рабовладельческий рынок Османской империи (Западно-Кавказские горы... 1891, 10-12, 27; Потто 2007, 56). Надо отметить, что адыгские пираты и другие племена черноморского побережья были мощной силой на море и частично контролировали водные пути, грабили торговые корабли, захватывали города, замки, нападали на Трапезундскую империю. Эта тема достаточно хорошо исследована историком Хотко С. Х. в работе «Черкесское пиратство» (Хотко 2001).

Оттоманская Порта из-за участвовавших столкновений торговых судов с пиратами для усиления своих позиций построила крепости Темрюк и Тамань. Отметим, что и сами турки не брезговали заниматься грабежом и нападениями на торговые корабли. Порту не могло устраивать снижение контроля над морскими торговыми путями. Так, об очередной крупной грабительской экспедиции на османское побережье 24 июля 1572 г. сообщается в донесении венецианского посла в Персии Винченцо ди Алессандро: «черкесы, прибыв на 24 кораблях, сожгли и разрушили за 300 миль отсюда все поселения побережья, разорили турецкие виноградники и перебили множество народа, а женщин увели в плен, забрав все имущество и товары, вследствие чего опасаются, как бы они не пришли в этот город» (Зевакин, Пенченко 1938, 97). На каждом из пиратских кораблей адыгов в зависимости от их водоизмещения могло находиться, предположительно, от 40 до 100 человек.

На Кавказе также происходили постоянные стычки черкесов с соседними феодальными государствами. Одним из таких кровопролитных противостояний была война черкесов с Газикумухским шамхальством. На описанном Л. И. Лавровым кладбище шамхалов в Гази-Кумухе сохранилась надгробная надпись Мухаммеда, сына Амал-Мухаммеда: «Юноша прекрасный, благородный»... «мученик, убитый в сражении с неверными черкесами», датированная месяцем мухаррам 960 г. х. (27 декабря 1552 г. – 24

января 1553 г.) (Лавров 1966, 149). Ш. Б. Ногмовым в комментариях приведена легенда рода Ортановых: обнаружив грохот и поднимающийся за ним дым, кабардинцы отправили ночью на другой берег Чегема добровольца по имени Вартан, которому удалось захватить у дагестанцев фитильное ружье. Благодаря этому он был возведён в достоинство уорка (аналог дворянского звания в России). Этот примечательный эпизод, возможно, описывает одно из первых знакомств кабардинцев с огнестрельным оружием. Дагестанские войска Гази-Кумухского шамхала несколько раз совершали газийские походы на земли кабардинцев с целью борьбы с неверными и распространения ислама. В начале второй половины XVI в., после третьего похода (1553 г.), потеряв две трети своих людей в местности Кишпек (Ногмов 1994, 114-118), воины Кумуха и Аварии вернулись в Дагестан. После этих событий Газикумухское шамхальство, на некоторое время, значительно ослабло.

На шамхальском кладбище Гази-Кумуха были также найдены надгробные эпитафии двух других сыновей Амал-Мухаммеда: Будаи-шамхала и Сурхая (Лавров 1966, 150-151), где указан год их смерти в сражении с неверными – 974 г. х. (1566-1567 гг.). Эти даты соответствуют времени строительства первой крепости на Тереке, где они могли погибнуть в столкновениях с черкесами, казаками и стрельцами. Найденные надгробия указывают на личное участие правящей элиты шамхалов в военных походах.

К Ивану IV (Грозному) был послан черкасский мирза Кавкльч Кануков. Он «пришел от братии от кабартынских князей черкасских от Темрюка да от Тазрют, а-князя бити челом, чтоб их государь пожаловал, велел им себе служитьи и в холопстве их учинил, а на Шавкал бы им государь пожаловал, астороханьским воеводам велел помощь учинити» (Кабардино-русские отношения... 2006, 26). Позднее, в 1558 году к царю прибыли «Тимирюковы княжи дети большово князя из Кабарды Белгерук-мурза да Салнук-мурза бити челом, чтобы государь их жаловал, своих холопей, я оборонь учинил от шевкальского государя» (Указ. соч., 30). Вероятно, узнав про эти визиты, к Ивану Грозному в 1559 г. прибыло посольство и «от Шавкалов (Шахехалов) с просьбою, дабы российский государь защитил их от подданных ему князей черкасских...» (Броневский 2004, 279-280).

Приведём ещё несколько примеров политических и военных союзов в Северо-Кавказском регионе. Москва стала играть активную роль в международной жизни Северного Кавказа после покорения Астраханского ханства в 1556 г. (Кокиев 2005, 184; Некрасов 2015, 30, 33, 136). Часть кабардинской знати начинает налаживать связи с русским царём Иваном IV, который, в свою очередь, начинает поддерживать партию Темрюк Идаровича в военном и политическом аспекте. С середины XVI в. начинаются постоянные и тесные связи Русского царства и Кабарды. 22 декабря 1566 г. к Ивану Грозному прибыл «Матлов-князь Темрюкович», который просил царя «для бжежения от недругов его велел город на реке Терке усть-Сююнчи реки поставить». В 1567 г. царём было прислано «тысяча две-три» людей и началось строительство «Терского города» (Терки). Первые остроги были построены на Терке в устье Сунжи примерно в 1565 году. Затем – в дельте Терека, а уже позднее вновь возведённые крепости называли «Сунженскими острогами».

Постройка крепости в Кизляре, стратегически важном для региона месте, в 1567 г. очень сильно накалила международные отношения. Уже в сентябре 1567 г. Давлет-Гирей направил в Москву ярлык с требованием снести крепость: «И тем городом хочешь ты отлучити черкас от хандыкерева величества и от нас ты похотел черкас отлучить» (Кабардино-русские отношения... 2006, 43). В итоге строительство крепости в Кизляре было объявлено одной из официальных причин русско-османской войны 1568-1570 гг. Благодаря дагестанскому историческому сочинению «Тарих-и Кизляр-кала» известно, что эта крепость была основана на месте, где ещё с 1545 г. располагалась иранская колония Абсийахкент (Шихсаидов и др. 1993, 219).

Перед началом второй османо-сефевидской войны в апреле 1578 г. Иван Грозный договорился с новым верховным князем Кабарды, Канпуладом Айдаровым, о возобновлении крепости, для чего был отправлен Л. З. Новосильцев (Кабардино-русские отношения... 2006, 74, 94-94). Однако уже в следующем году подданным царя пришлось снова оставить крепость по требованию султана, хотя в действительности там продолжал размещаться тысячный отряд из стрельцов и казаков. В 1583 г. этот гарнизон был разбит Оздемир-оглу Осман-пашой (Указ. соч., 75, 79, 83). Гонец царя В. П. Благой

получил в 1584 г. наказную память говорить в Стамбуле, что «ныне государевых людей на Терке нет, а живут на Терке воры беглые казаки без государева ведома» (Указ. соч., 76, 88).

Известен «берат» (грамота, свидетельство) султана Мурада III, выданный в 999 г. (1590 г. по григорианскому календарю) на имя темиргоевского бея Мехмеда о назначении его эмиром черкесов (Зайцев 2015, 73-74). Османское влияние распространилось на проживающие на черноморском побережье черкесские племена, а после завоевания турками в 1479 г. генуэзских факторий в Крыму стало доминирующим в регионе, где был образован Таманский санджак Каффинского эйялета. Черкесские племена, проживающие на Крымском полуострове, а затем и в Кабарде, начали встраиваться в Крымское ханство, а позднее и в Османскую империю. Темиргоевские князья до завоевания Россией крымского полуострова имели все права ханских наместников в Черкесии и обладали наделами в Крыму (Путешествие по Крыму... 1881, 136).

С другой стороны, начался и новый этап московской политики на Северном Кавказе, первым значительным событием которого стал захват в 1588 г. Тюмени и закладка на его месте второго Терского города (Кабардино-русские отношения... 2006, 97, 99-104, 627). Воеводой туда был назначен Андрей Иванович Хворостинин, которого Мухаммед Аваби Акташи называл «даругой» (правитель) (Шихсаидов и др. 1993. 20, 30). Тогда же Кизлярская крепость снова была занята московскими войсками. Эти территории сначала находились в ведении Приказа Казанского дворца, но в XVII в. были переданы Посольскому приказу. Царь Федор Иоаннович после этого принял титул государя Кабардинской земли и начал выдавать жалованные грамоты на должность верховного князя Кабарды (Потто 2007, 13). Эта попытка подчинить Кабарду закончилась тем, что Гази Пшеапшочков убил Мансуруко Темрюкова, пытавшегося на основе жалованной грамоты вне очереди занять пост валия (валі́, араб. *الوالي* или *والٍ* — наместник провинции), и с захваченными у него псухо скрылся за Кубанью (Кабардино-русские отношения... 2006, 607). Айдаровы укрылись в Терском городе, но продолжили попытки захватить власть над Кабардой с московской помощью

до 1641 г., когда их удел в Кабарде был окончательно уничтожен (Указ. соч., 320, 324, 328, 330, 332, 336, 337). В Терском городе выходцами из Кабарды была основана вассальная Москве черкасская слобода, князья которой получали царские грамоты и титулатуру до XVIII века. В период XVI-XVII вв. на территории черкесов начали селиться казаки и «пятигорские черкасы». В гарнизонах острогов находились присланные царем стрельцы и казаки. Несколько раз остроги оставались, подвергались нападениям и разрушались, а позднее, в 1708 году, город Терки был разграблен и сожжён после набега «кубанских татар». Эти факты указывают на постоянные политические и военные контакты представителей черкесских племён с Русским царством, что влияло в том числе и на взаимное проникновение оружейных культур, особенно в части использования огнестрельного оружия. Казаки играли важную роль в регионе и имели на вооружении различные виды холодного оружия, в основном захваченного в виде трофеев. Присутствовало в том числе и безгардовое оружие, изображения такового присутствуют в достаточном количестве сохранившихся рисунков и гравюр, начиная с XVIII в. (например, портрет неизвестного казака авторства Данилы Ефремова, 1753 г., гравюра с изображением казака из книги генерал-майора Ригельмана, 1778 г.). Про структуру и количественный состав казачьего сообщества Терского города в первой половине XVII века пишет в своей работе Р. Н. Евдокимов. Общая численность вольных казаков с 1629 по 1636 гг., указанная в разрядных книгах и сметах, колебалась от 350 до 624 человек. Автор указывает на пополнение численности местных казаков за счёт казаков из других казачьих сообществ: «Донские казаки, а также казаки волжские, янские и черкасы» (Евдокимов 2022, 198). Беглые люди были вторым источником пополнения, третьим – служивые люди гарнизона Терков. «Немаловажным источником пополнения терцев являлись местные горцы...», что, в свою очередь, «...привело к зарождению особого вида дружеских отношений – куначеству», кроме того, «происхождение отдельных казаков было вообще экзотическим – из среды агрыжан. Этим именем в Астрахани называли индийских купцов-мусульман и их потомков от татарских женщин» (Указ. соч.). По мнению Р. М. Евдокимова, «терское казачество в первой половине XVII в. представляло собой довольно

сложный организм, составленный из частей совершенно разного происхождения и природы» (Указ. соч., 196). Часто казаки жили грабежом и разбойничали на обширной территории. Терские и гребенские казаки находились на территории Черкесии с XVII в., и первые из казачьих формирований признали власть Москвы в 1623 г. В отличие от черкесского воинства, где некоторые виды оружия были атрибутом знатных черкесов, у казаков ношение оружия не зависело от принадлежности к какому-либо сословию или от уровня достатка и иерархии, за исключением небольшого количества атрибутов власти атаманов и гетманов - перначей и булав.

Эти факты приведены здесь для понимания активности боевых столкновений и взаимных влияний в регионе, расселения черкесских племён в средние века и, как следствие, наличия разнообразного оружия, попавшего из сопредельных территорий, и смешения оружейных культур. Хазарский Каганат, Золотая Орда, тимуриды, генуэзцы и венецианцы, Османская Порта, Персия, Российская империя — это те государства, которые в течение длительного времени оказывали влияние на политическую, культурную и военную жизнь всего Кавказского региона, а также на судьбы всех народностей, в том числе и на оружейную культуру горцев.

Этнополитические образования Черкесии были феодальными уделами, как правило, носившими имена своих основателей. Из исторических источников XV-XVI вв. нам известны четыре удела: в Кипчаке, в Кабарде, в Татар кёше, в Темиргое.

Черкесские племена проживали на южной и северной стороне северо-западной оконечности Кавказского хребта, территориях между реками Кубань, Малка и Терек, в предгорно-равнинной части Центрального Предкавказья, на северо-восточных равнинах Азово-Кубанских территорий, в Причерноморье, Приазовье и в Крыму.

Ранее черкесские владетели Тамани Джанибек, Костомок, Петрезок и Кадирберди у генуэзцев назывались «князья Зихии». Коренные черкесы (адыге) противопоставляли себя переселенцам (абадзе) (Броневский 2004, 308). Эти две этнические группы именовались по-тюркски, соответственно, «белыми» и «чёрными» черкесами (Галонифонтибус 1979, 16-17). Помимо

султанов, землёй в Черкесии владели также мирзы Большого и Малого Нога (Броневский 2004, 63, 134-145, 208). Татары и турки распространяли политическое влияние и магометанскую религию среди адыгов, чему не противились, и, более того, способствовали местные князья. Известно, что верховный князь Кабарды носил титул валяя (то есть наместника), что предельно ясно обозначало его иерархический статус (Ногмов 1994, 162). Следует также отметить влияние мамлюков на традиции и привычки черкесской знати. Вот что пишет в своей работе Дружинина И. А. с соавторами: «Представляется, что укоренение в среде черкесской знати специфических мамлюкских традиций не было возможно без их трансляции непосредственно "оригинальными" носителями — мамлюками, возвращающимися из Султаната» (Дружинина и др. 2023, 931). Можно предположить, что мамлюки могли привнести в регион некоторые типы вооружения, применявшиеся в то время в Египте.

Численность черкесов в средние века нам не известна, но приблизительное количество населения можно установить по данным XIX в. Вот что писал Ф. Ф. Торнау: «По понятиям горцев считать людей было не только бесполезно, но даже грешно; почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имея возможности сопротивляться» (Торнау 1864, 69).

Для более полного раскрытия поднятой темы приведём данные русского офицера Г. В. Новицкого, учитывая то обстоятельство, что подсчёт производился по количеству дворов и умножался на приблизительное число людей на один двор. В случае подсчётов, которые предлагал Хан-Гирей, то есть 5-6 человек на один двор – это, соответственно, 250 тыс. и 298.5 тыс. жителей. Г. В. Новицкий в своём окончательном варианте подсчёта уже учитывал 20 человек на один двор. В итоге, по его данным, в 1830 г. в закубанской Черкесии население составляло 1 082 200 человек обоего пола, наибольшая численность была у шапсугов – 300 тысяч, натухайцев – 260 тысяч, абадзехов – 200 тысяч, бжедугов – 60 тысяч, хатукаевцев – 20 тысяч, темиргоевцев – 80 тысяч, махошевцев – 8 тысяч, бесленеевцев – 10 тысяч, жанеевцев – 1200 человек, адемиевцев – 3000 человек, убыхов – 40 тысяч. По

закубанским кабардинцам и гуаюе расчеты были не представлены (Новицкий 1884). При этом данные по численности народов, представленные им же ранее в 1829 году, были в разы меньше данных 1830 года. Такая завышенная численность населения, вероятно, не воспринималась всерьёз кавказскими офицерами. Даже если предположить, что население Черкесии в конце XVIII - начале XIX века составляло 500-600 тысяч человек, то 10-20% мужского населения, выставленные черкесами в виде вооружённых формирований, могли представлять на Кавказе значительную силу, а обеспечение такого количества людей оружием было сложной задачей для любого феодального государства. Необходимо учитывать, что количество населения менялось не только вследствие войн, но и различных эпидемий, голода и тяжёлых жизненных условий.

Если рассматривать комплекс вооружения черкесов, то, по описаниям ряда путешественников, изобразительным источникам и сохранившимся экземплярам оружия, он включал кинжал, ружье или винтовку у простых воинов, а у знатных черкесов-всадников к тому ещё прибавлялись сабля или шашка, пистолеты, лук, а иногда и аркан. Черкесские князья (пши), дворяне (уэркъ), свободное сословие (тфокотли), крестьяне (оги, лагунауты), крепостные, отпущенные на свободу крепостные, рабы представляли различные касты черкесского общества. Считалось, что до 30 процентов мужского населения могло участвовать в боях и заниматься подготовкой воинов. Описание комплекса вооружения черкесов мы находим в многочисленных альбомах, книгах и статьях. Все такие описания примерно одинаковы, поэтому приведём только одно из них. В «Подробном описании Персии» говорится: «Князья Черкесские или дворяне, то есть всякий, кто не есть раб другого, имеет лошадь, всегда ходит вооружённый кинжалом и пистолетами и редко переступает через порог, не перепоясавшись саблей и не накинув на плечи колчан. Каска и латы закрывают его голову и грудь» (Подробное описание Персии 1829, 13).

Для сравнения представим и описание вооружения монголов, которое нам оставил Джованни из Пьян-дель-Карпине (Плано Карпини), посетивший первым из европейцев Монголию в 1245-1247 гг. Вот что он писал: «Оружие

же все, по меньшей мере, должны иметь такое: два или три лука, или, по меньшей мере, один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и верёвки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие с одной стороны и несколько кривые; у них есть также вооружённая лошадь, прикрытая до голеней, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи... Шлем же сверху железный или медный, а то, что прикрывает шею и горло, из кожи... У некоторых все то, что мы выше назвали, составлено из железа...» (Фехнер 1956, 53). Не правда ли, мы видим некоторое сходство, несмотря на длительный временной период, разделяющий эти исторические описания? Наступательное и оборонительное вооружение черкесов конца XVIII - первой половины XIX века в полной мере описано Хан Гиреем (Хан Гирей 1978, 242-246). Далее в работе мы будем вынуждены возвращаться к источникам позднего средневековья при рассмотрении разных видов вооружения, для понимания истории его возникновения, бытования и эволюции.

Э. Г. Аствацатурян пишет о производстве оружия в Черкесии в том числе следующее: «Специализированных центров с кузнечным и ювелирным производством в Черкесии, по-видимому, не возникало, в противном случае они, хотя бы однажды, были упомянуты посещавшими ее иностранцами» (Аствацатурян 2004, 32). При этом автор указывает на добычу железной руды на Северном Кавказе и нехватку местного сырья для производства оружия и сельскохозяйственных орудий.

Без сомнения, кустарное производство местного оружия и ювелирных изделий у черкесов существовало так же, как и у других народностей на Кавказе. Во всех более или менее крупных населённых пунктах Кавказского региона и крепостях не могли обойтись без некоторого количества кузнецов и ремесленников, но наличие крупных устоявшихся центров, специализирующихся на производстве оружия, как было ранее замечено Э. Г. Аствацатурян, нам на сегодняшний момент неизвестно. На это указывал и Хан Гирей: «Черкесы по справедливости должны быть причислены к тем необразованным народам, которых рукоделие заслуживает удивления. Оружейники, золотых дел мастера и ткачихи производят превосходные

изделия, в которых видно особое их искусство, во многом достигающее высокого совершенства» (Хан Гирей 1978, 265). «...Черкесы имеют ремесленников всякого рода, какие только им потребны для ограниченного круга их надобностей; но они не имеют никаких фабрик... Ни оружейники, ни серебряных дел мастера не имеют достаточных даже хороших инструментов. Последние ездят нередко к князьям, и там у них работают...» (Указ. соч., 267).

Составляя часть войск Золотой Орды, черкесские племена могли получать оружие из тех же источников, что и ордынцы, которые в начальный период становления Улуса Джучи испытывали его огромный дефицит. Вот на что указывает в своей работе Ю. А. Кулешов: «Сохранилось достаточно много свидетельств того, что итальянцы массово поставляли оружие в Северное Причерноморье ещё с середины XV века. Причём некоторые из них указывают на то, что оружие везлось именно на местный рынок, а не только для нужд факторий» (Кулешов 2014, 235). Он также приводит источник (Еманов 1995, 43), указывающий на доставку на генуэзской галере в 1453 году «300 сабель широких и узких», добавляя к этому, что «в это время итальянцы саблями не пользовались» (Кулешов 2014, 235). По нашему мнению, количество покупаемого и полученного в виде дани или захваченного чингизидами и тимуридами оружия в Индостане или Персии в разы превышало возможности его производства за многие годы на Северном Кавказе. Ю. А. Кулешов в этой связи приходит к выводу, что на ранних этапах становления Золотой Орды оснащение воинов осуществлялось за счёт централизованных поставок из Ирана, позднее – из Египта, часть оружия поступала от итальянских купцов и из других зависимых государств (Кулешов 2010, 73-97).

С большой уверенностью можно сказать, что комплекс вооружения черкесов в указанный период развивался под влиянием соответствующего комплекса Золотой Орды, и, вероятно, мало чем отличался от последнего. Исходя из соображений, изложенных выше, на наш взгляд, факты производства и поставки оружия из Северного Кавказа в Золотую Орду не доказаны, они не могли иметь большого значения для мощной и многочисленной армии Чингизидов.

Известна также ссылка на слова шаха Аббаса в статейном списке князя Звенигородского (1601 г.), где говорится о поступлении панцирей не в Черкесию, а из неё: «А говорил Шах: шелома и шапки, и зеркала делают в нашем государстве, а булат хороший красной выходит в наше Государство из Индийского Государства, а панцири добрые выходят нам из Черкасс» (Железнов 1906). Как нам известно, в более ранний период Иран поставлял в Золотую орду среди прочего оружия и защитное вооружение. Одним из желанных товаров для персидских послов и купцов в Русском царстве были и панцири, которые они при возможности пытались приобретать в разных городах. Где были изготовлены эти панцири, в Черкесии или в других местах, нам достоверно неизвестно, но купцы привозили различные товары в Индо-Персидский регион со всей территории Кавказа, Приазовья, Крымского полуострова, со всего черноморского побережья, Русского царства и Европы. Нельзя исключать, что словосочетание «из Черкасс» могло восприниматься в XVII-XVIII вв. как обобщающий термин для обозначения территории без определённых границ и с разным этническим и субэтническим составом населения. Было ли производство кольчуг на территории расселения черкесов и где располагались центры специфического ремесла, как сказано выше, пока неизвестно, а указанное сообщение является чуть ли не единственным. Напротив, мы знаем исторические источники, определяющие регионы и населённые пункты на центральном Кавказе, в Алании, Иране и Азербайджане с указанием на производство кольчуг, стволов и другого оружия.

Добавим, что производство панцирей, кольчуг и оружейных стволов, как известно, представляет собой сложный технологический процесс, требующий опыта, отточенных навыков и времени. Простые панцири и кольчуги без характерных типологических признаков и маркировок сложно точно отнести к конкретным регионам и местам их изготовления. Есть и характерные способы нанесения украшений черкесскими мастерами, что мы можем увидеть на примере шлемов с накладными деталями из сплавов меди, которые датируются в музейных коллекциях XVII-XVIII веками. А. В. Сальников пишет об импорте шлемов европейского и золотоордынского производства на Северный Кавказ, обращает внимание на ряд заимствований

некоторых элементов с территории Руси, Золотой Орды или Ирана. Например, речь идёт о таких элементах, как наносники в комбинации с надбровными вырезами и накладными «пластинчатыми» бровями (Сальников 2014, 351-353). Автор работы связывает распространение европейских образцов защитного вооружения с деятельностью итальянцев на Северном Кавказе. В Оружейной палате Кремля сохранилось пять панцирей, записанных в Описях как черкесские, что очень важно для изучения черкесского защитного вооружения. Добавим также, что выделение способов крепления кольчужных колец сваркой как одного из основных идентификационных признаков Черкесии как места производства панцирей и кольчуг без наличия других подтверждающих деталей всегда можно подвергнуть сомнению.

Отношение к вооружению у черкесов можно определить следующей цитатой: «Панцири, шлемы, сабли, шашки и ружья составляли прежде, но и ныне богатство черкес высшего класса, и они от того имеют к ним сильное уважение, суеверием вскорененное, что лучшие оружия не показываются народу и со тщанием хранятся, переходя от предков к потомкам и составляя драгоценный клад каждого семейства, ими владеющего» (Хан Гирей 1978, 246).

М. В. Горелик, историк и реконструктор, указывал, что в первой половине XV в. «в отличие от кочевников основным оружием черкесов, судя по археологическим находкам, была сабля», «монгольское нашествие принесло много новшеств в сабельную конструкцию», «в золотоордынское время клинки стали значительно более длинными — не менее 100-120 см» (Горелик 2008, 160, 161, 163). В. М. Горелик выделял разновидность клинка, которую он считал «черкесским клинком», бытовавшим до XVIII века, добавляя, что «искусствоковки дамасской стали стало уделом только черкесских оружейников (позднее утраченным) или это было достаточно распространённой технологией и в других регионах Золотой Орды» (Указ. соч., 164). Добавим к вышесказанному, что технологияковки оружия из крицы была единственной на Кавказе и другой, по имеющимся данным на сегодняшний момент, не существовало. Булат как разновидность тигельной

стали и оружие из него могло поступать на Кавказ только из Индо-Персидского региона.

Какие же исторические данные о поставках оружия золотоордынцам мы имеем на сегодняшний день? Участвовали ли в данном процессе черкесские мастера? Ответим сами на эти вопросы – исторических сведений пока не найдено.

Панцири и кольчуги были постоянной дефицитной позицией в любой крупной средневековой армии. Так, в источниках XIII века обращено внимание на особенности вооружения монголов и постоянный дефицит наступательного и защитного вооружения в войсках. По сообщению фламандца-дипломата Виллем Ребрука (Гильом де Ребрук), отправленного к монголам Людовиком IX в 1253-1255 годах, он «...видел двоих, которые представлялись Мангу, вооружённые в выгнутые рубахи из твёрдой кожи, очень дурно сидящие и неудобные» (Алемань 2003, 76, 77). Стефан Вацкий, венгерский епископ, в «Великой хронике» пишет: «Панцири у них из кожи, и они прочнее, чем из железа, такая же и конная сбруя» (Матузова 1979, 154). Есть и другие многочисленные описания монголов, где подчёркивается, что вооружение всадников довольно скудное и состоит только из лука. Известны и централизованные поставки оружия в Империю Чингизидов, например, из Персии, Египта и Европы. Эти вопросы глубоко изучены, в том числе в работе Ю. А. Кулешова (Кулешов 2014). В одном из письменных источников Виллем Ребрука также указывается на поставки монголам, находящимся в Восточной Европе, оружия из Персии: «Я видел, как им поставляли из Персии железные панцири и каски...» (Указ. соч., 220).

Мы приводим эти исторические ссылки не только для понимания эволюции вооружения в регионе, но указания на его дороговизну и дефицит, в особенности металлических панцирей и кольчуг, что имело место на протяжении многих веков вплоть до XIX в. «...В Иране спрос на кольчуги “очень хорошего качества, которые могли выдержать удары стрелы” был значительным» (Фехнер 1956, 53). В дипломатической переписке мы встречаем только один случай, когда кызылбашским купцам было разрешено вывезти из России большое количество панцирей (120 штук), они поступали в

Иран в качестве «поминков», служивших формой товарообмена с восточными странами (Указ. соч., 53, 54; Веселовский 1877, 169, 246). Такое защитное вооружение могли себе позволить только богатые воины – дворяне и князья, которые приобретали или получали его в виде подарков, имея возможность подбирать себе оружие самостоятельно. Следует отметить, что традиционными центрами производства и торговли Улуса Джучи можно назвать и все другие территории, захваченные и подчинённые монголами, где и до них традиционно существовало литейное и кузнечное производство оружия. Это, прежде всего, Индо-Персидский регион, Мавераннахр, Китай и другие вассальные регионы. Известно также о традиции переселения мастеров-оружейников с захваченных территорий в другие места, где уже возникали новые производства. Некоторые производственные центры, вероятно, могли сохраняться при нашествиях благодаря договоренностям с захватчиками или их подкупу. Так, например, действовали жители Дагестанского города Кубачи. Вот что писал Шераф-ад-дин Йезди, придворный учёный и поэт внука Тамерлана Ибрагим-Султана (1415-1435 гг.), про кубачинцев: «Все жители области Зирихгеран встретили царский поезд (поход Тамерлана 1396 г.) подчинением и повинованием и поднесли ему множество брони и кольчуг» (Тизенгаузен 1941, 187). Вероятно, такие ремесленные поселения платили дань, состоящую в том числе и из оружия.

В правление хана Узбека налаживается и собственное местное оружейное производство. Часть оружия продолжает поступать от итальянских купцов и из зависимых государств. В период правления хана Джанибека происходят финансовый кризис, упадок ремесленного производства, снижение зарубежных поставок вследствие противоречий с итальянскими факториями. Ещё при власти темника Мамая и реформ, проведённых ханом Токтамышем, наблюдается рост производства оружия и его поставок из Египта, а также из многочисленных подвластных территорий. Такое «импортное» оружие могло попадать и в Кавказский регион. О египетских клинках упоминается и в тексте лакской эпической песни «Парту Патима», посвящённой борьбе с монгольскими завоевателями: «Юноши, собрались около кладбища / Вынув египетские мечи, размахивали ими / Бросали палицы

длинною с ччантIакку / Щиты держали и кольчуги надетые /...На головах их надеты шишаки / Кинжалы их, ударялись о щиты со звоном / Задев кольчуги, изгибались / А с задетых шишаков искры сыпались / Кони их на дыбы становились», или: «Время ль трудное придёт / Против ста один пойдёшь, Взяв египетский клинок / Заострённый как алмаз» (Батырай 1959, 15, 25).

Обратимся к более позднему периоду. Есть сведения о поступлении оружия из других стран: «Часть оружия они получают от турок, часть – из Грузии, у них большой запас дорогостоящих старых венецианских и генуэзских мечей и пистолетов» (Клапорт 1974, 266). Тебу Мариньи отмечает, что: «Шлемы, кольчуги и луки приходят черкесам из Персии и Константинополя; они покупают их мало. Обычно турки поставляют черкесам дула ружей и пистолетов, лезвия сабель, которые черкесы затем налаживают на свой манер». И далее: «Большая часть наконечников и прекрасных кинжалов, которыми они пользуются, делается далеко проживающей народностью кумыков» (Тебу де Мариньи 1974, 308). Надо отметить, что вопросы производства оружия кумыками на настоящий момент мало изучены.

В 1732 году кабардинский посол Магомет Атажукин говорил в Иностранной коллегии: «Как в Малой, так и Большой Кабарде к деланью ружья заводы есть и делают пищали и сабли для себя несколько, но более покупают у Российских купцов и у крымцев для того, что российские и крымские ружья лучше» (Кабардино-российские отношения, 53). Люлье Л. писал, что «...во время Турецкого владения Черкесы находили полный подбор предметов, приспособленных к их нуждам и привычкам» (Люлье 1991). Также известно, что лук, как один из военных атрибутов черкесской знати, завозился из Турции: «Черкесы сами делают стрелы с большим искусством, но делать луков не умеют и достают их из Турции» (Хан Гирей 1978, 242). К XIX веку мы уже имеем многочисленные источники, указывающие на производство оружия у черкесов, пороха, селитры, свинца, на украшение оружия и выделку серебряных и золотых изделий в указанном регионе. Э. Г. Аствацатурян особенно отмечает украшение оружия черкесами в XIX веке как важную отрасль их деятельности. Также, что немаловажно, указывается на значительный завоз купцами серебра из России в период 1842-1845 гг.,

который после 1846 года прекратился, и поэтому в качестве источника материалов для новых изделий использовались старые вещи (Асвацатурян 2004, 36). Следует добавить, что изготовление клинков и стволов и их украшение – это совершенно разные ремесленные процессы, и когда мы говорим о производстве того или иного предмета в конкретном регионе, мы должны это понимать. При отделке оружия в черкесском, кубачинском, лакском, аварском стиле основные детали оружия могут быть привезены из совершенно других регионов, а аутентичной может оказаться лишь отделка.

Одним из вопросов, который будет рассмотрен в нашей работе, является история появления и эволюции сабли на Северном Кавказе. Хочется заметить, что выборка в научных исследованиях может быть репрезентативной только при обследовании большого количества материала, что представляет определённую сложность у историков и археологов. В большинстве случаев археолог имеет дело с бытием, где разорваны связи и непрерывность истории и культуры ушедших цивилизаций. Можно задать вопрос: возможна ли 100-процентная достоверность в археологии? Определённые традиции «школ», архаичные и художественные знания, интуитивные суждения, историческая реконструкция и синкретизм в археологии могут приводить не только к открытиям, но и к ложным эмпирическим закономерностям. Именно с этой точки зрения мы будем рассматривать некоторые классификации и эволюционные цепочки. В основу типологии сабель, найденных при раскопках, как отмечает историк Э. И. Сейдалиев, исследователи закладывают различные критерии, например, специфику перекрестий и наверший (А. Н. Кирпичников, Ю. А. Плотников) или параметры отдельных элементов клинка (Ю. С. Худяков, Г. А. Федоров-Давыдов, С. А. Плетнева и др.). Характеристики клинка, такие как длина и кривизна, ширина и кривизна, острое и кривизна, всегда учитывались при описании и составлении разных классификаций. Исследователями также рассматриваются и детали ножен, формы перекрестий и наверший, а в некоторых случаях, например в исследовании С. А. Плетневой, вышеозначенные элементы изучаются лишь как элементы декора (Плетнева

1973, 17). Вместе с тем многие предложенные классификации не подходят для общей массы сабель (Евглевский, Потемкина 2009, 131-133).

Историк Э. И. Сейдалиев отмечает: «Касательно клинкового оружия – это кривизна клинка, которая чаще наблюдается у печенегов и половцев и гораздо реже встречается у хазар, и то у их сабель кривизна не так ярко выражена» (Сейдалиев 2009, 372). При этом в ряде случаев кривизна клинка считалась приоритетной в определении периода бытования сабли. По мнению ряда экспертов, например, сабли Персидского региона XVI-XVII вв. также имеют меньшую кривизну, чем шамширы более позднего времени (XVIII-XIX вв.). Хотя и здесь наблюдаются исключения.

Как пишет историк Р. Б. Схатум в своей диссертационной работе, основной комплекс боевых средств адыгов начал формироваться на Северо-Западном Кавказе в хазарское время, часть этого комплекса продолжала «жить» и в последующие века вплоть до позднего средневековья. Автор указывает на размеры и характеристики клинков и другого наступательного оружия хазарского времени, середины VII - первой половины X века, сабли длиной 75-85 см, кинжала уйбатского типа, узких длинных кинжалов, метательных боевых ножей, копий от знамён-штандартов. Отмечает, что сабли X-XI веков «продолжают... старые традиции», в XII веке становятся длиннее и размеры их составляют 85-110 см с плавным изгибом клинка, равным 2-4 см. Со второй половины XIII до XV века, в золотоордынское время, средняя длина составляет уже 95-120 см, величина изгиба доходит до 6 см. Позднее, в XVI-XVII веках, изгиб и длина ещё более увеличиваются — до размеров 120-130 см (Схатум 2008, 17, 18). Вопрос принадлежности захоронений к определенным этническим группам в ряде случаев не вызывает сомнений, хотя надо понимать, что захоронения могут иметь отношение не только к представителям местных племён. Этот аспект является довольно сложным и вызывает научные споры, трудна и привязка найденных артефактов к определённой этнической группе с точки зрения их места производства, а также исторической идентификации ко времени возникновения некоторых типологических и художественных признаков и их дальнейшей эволюции.

Сабли со штыковым острием также традиционно относят к комплексу вооружения черкесов. Вопрос производства их на территории расселения черкесских племён, на настоящий момент, обстоятельно не доказан. Справедливости ради отметим, что такие сабли бытовали длительное время и на территории Северного Кавказа. На это указывает в середине XVII века османский путешественник Эвлия Челеби, описавший вооружение черкесов, в том числе и меч: «Острия их мечей похожи на острия четырехгранных и трехгранных копий» (Челеби 1979, 59). Но ареалы бытования оружия, как мы понимаем из известных нам многочисленных примеров, могут не совпадать с местами его непосредственного производства и отделки. На этом вопросе мы остановимся ниже.

В работах А. Х. Нагоева, У. Ю. Кочкарова, В. М. Прокопенко и других историков мы видим описание найденного оружия ближнего боя Северо-Западного Предкавказья, Северного Кавказа, в том числе из адыгских курганных могильников, где в числе различного погребального инвентаря были обнаружены и сабли. В большинстве своём это длинные сабли (100-130 см) с плавным сужением и изгибом клинка к кинжальному острию и хвостовиком, имеющим уклон в сторону лезвия от центральной оси пяты клинка. На наш взгляд, данный тип сабли должен составлять отдельную группу, не связанную с рассматриваемым выше образцом сабли со штыковым остриём XVII века. Многочисленные археологические находки хазарских, аланских, татарских и адыгских палашей и сабель позволяют нам увидеть как существенные отличия, так и общие черты длинноклинкового оружия всадников, что вполне объяснимо. Сохранившиеся сабли со штыковым остриём имеют существенные отличия (геометрия клинка, наличие долов, тигельная сталь) от большинства сабель, найденных в курганах Адыгеи, а иранские сабельные полосы из Музеев Кремля, по нашему мнению, являются яркой их демонстрацией. Эволюцию сабель позднего средневековья в сабли со штыковым окончанием в отдельно взятом регионе, на настоящий момент, сложно проследить из-за отсутствия достаточного материала и найденных переходных форм оружия. Трансформацию же сабли со штыковидным острием в известную нам шашку ещё более сложно представить и обосновать.

Вот что пишет историк В. М. Прокопенко, ссылаясь на исследования Ю. А. Кулешова: «Северокавказский регион являлся одним из традиционных центров оружейного производства Улуса Джучи». Далее автор указывает, что «именно здесь в XIV в. возникла удачная сабля-гибрид, сабля со штыковым концом», которая в дальнейшем, по мнению автора, эволюционировала до XVIII в. (Прокопенко 2012, 79-82).

По мнению исследователя А. Ю. Курочкина, «длинноклинковое оружие, в частности сабли, использовавшиеся на территории Ирана и Мавераннахра к моменту вторжения Бабура в Индию, могут быть с достаточной степенью достоверности идентифицированы на основании современных им изображений-иллюстраций к манускриптам. В предшествующий период в регионе сложился устойчивый вид сабли. Характерная форма слабоизогнутого клинка с елманью и одновременно с выраженным заостренным концом оставалась практически неизменной с XIV века» (Курочкин 2016, 187).

Интересно отметить, что подобная форма клинков с елманью и одновременно выраженным заостренным концом определяется В. С. Курмановским на основании Описей Московской оружейной палаты как «тевризская» и иранская по происхождению (Курмановский 2010, 213).

В своих воспоминаниях Бабур упоминает некую «черкесскую» саблю. Об использовании «черкесских» сабель также сообщают и другие современники, в частности Мухаммад Салих, придворный историк Шейбанидов. Судя по описанию Бабура, сначала таким клинком был заколот конь, а потом у упавшего на землю противника была отрублена кисть руки. По всей видимости, это была также разновидность сабли с выраженным острием. И Бабур, и Салих упоминают эту разновидность сабли отдельно, отличая её, вероятно, от обычных для них сабель. Но делать вывод, что это была именно известная «черкесская» сабля со штыковидным острием, безосновательно, хотя и отрицать этого также нельзя (Курочкин 2016, 187).

В Музеях Кремля сохранились сабли, указанные в Описях XVIII в. как «черкасские» или «на черкасское дело». Курмановский В. С. в своей диссертационной работе пишет, что «по данным имеющихся в нашем

распоряжении источников, примерно у трети клинков «черкасского» типа зафиксирован «штыковидный» конец. Последний, тем не менее, ни к коей мере не является обязательным или определяющим признаком для «черкасского выкова». Полосы с «вострыми» концами или полосами «штыком» в документах фигурируют и без указания на их «черкасский» характер. В Описи Оружейной Казны 1686/1687 г. полосы «штыком» в одном случае даже противопоставляются клинкам «на черкасское дело» (Курмановский 2010, 122). Орленко С. П., Новоселов В. Р., Курмановский В. С. отмечают следующее: «Исследователи указывают на ошибки, которые допускали служители Оружейной палаты, в том числе в определении места создания вещей при фиксации артефактов. Например, в качестве «полосы черкасской» записана (в Переписной книге) булатная полоса XVII века: инв. № ММК Ор-767 (длина клинка 1035 мм) с боевым концом в виде гранёного штыка, с клеймами иранского мастера Кальб Али Исфahanского» (Сокровищница...1979, 23). В другом месте авторы отмечают четыре сабельные полосы, записанные под одним номером, две из которых именуется «штыком», а другие две записаны как «на черкасское дело». При этом на других клинках отчётливо видимые клейма не описаны. Авторы отмечают, что оформление конца «штыком» в Описи отмечено так же, как и у «тевризской» (ММК Ор-1408, длина клинка 872 мм), одной «кизылбашской» полосы, а многих полос без указания их происхождения. Далее указано: «Следует отметить, что «полосы штыком» с елманью в Описи 1687 г. ни разу не отождествлены с «черкасским» образцом выкова». (Орленко и др. 2019, 16) Затем: «...определение сабельных клинков и полос из булата и из «красного железа» как «турских» (турецких), «кизылбашских» (иранских), «на польский выков», «на литовское дело», на наш взгляд, относятся не столько к месту изготовления, сколько к типу клинка, его морфологическим признакам» (Указ. соч. 17). При этом в статье выделяется отличие понятий «турское дело» – как прямое указание на место изготовления, и «на турское дело» – как похожий своими морфологическими признаками на клинок, изготовленный в Турции, при этом он мог быть сделан в другом месте (Указ. соч., 6-88).

Клинки из Музеев Кремля выполнены, с большой долей вероятности, из тигельной стали или из её разновидности – булатной стали. Хочется также добавить к вышесказанному, что на Северном Кавказе пока неизвестны места производства тигельной стали и, в частности, булата. Соответственно, клинки из булатной стали никак не могли быть изготовлены в Черкесии в XVII-XVIII вв.

Есть также теория о постепенной трансформации последней трети сабли из острия кинжальной формы в стержневидно-гранёное и далее в острие с чётко выраженной елманью. Учитывая большое разнообразие геометрии иранских клинков XVII века и малое количество сохранившихся, указанных выше, образцов на этот период, попытки классификации по размерам и геометрии, предпринятые некоторыми учёными, на наш взгляд, весьма условны. Очевидно, необходимо учитывать химический и микроструктурный анализ стали как важный дополнительный признак при атрибуции в дальнейших исследованиях.

Подводя итоги на основе имеющихся на сегодняшний день исторических данных, отметим, что считать саблю с подобными морфологическими признаками изобретением черкесских мастеров-оружейников преждевременно, хотя одним из мест её бытования, без сомнения, была Черкесия.

Возникновение и распространение шашки (в переводе с адыгского языка — «большой нож» или «длинный нож»), представляющей собой тип безгардовой сабли, многие годы относят к заслугам черкесской военной культуре. В кабардино-черкесском диалекте такой вид холодного оружия называли «сэшхуе», в западно-черкесском – «сэшхо» или «сешко», меч черкесы называли «джатэ» или «чате». В других регионах Кавказа такое оружие могло называться своими собственными именами, например «тур» у некоторых народов в Дагестане (например, у лакцев) или «леккури» в Грузии, где указанный термин «шашка» не прижился. Вопрос генезиса шашки крайне политизирован, и любой аргумент или иная точка зрения вызывают недовольство и агрессию. Так, черкесы доказывают, что такое оружие произошло из среды адыгов, а казаки считают это оружие произведением

своей оружейной культуры. Многие годы этот вопрос дискутируется в научной и околонучной среде. Не вставая на ту или иную сторону, мы постараемся исследовать и этот вопрос.

Отметим, что сабля или шашка всегда считалась атрибутом обеспеченного или знатного горца, представителя аристократической среды, как правило, воина-всадника. По мнению некоторых историков, шашка представляла собой более простой в отличие от сабли вид оружия, достоинствами которого являлись меньший вес, изгиб и длина, безгардовая рукоять из кости, рога или дерева (более простая в производстве), удобный подвес и конструкция ножен (деревянные, обтянутые кожей). Такое оружие имело преимущество перед саблями того времени, как минимум, при эксплуатации в лесистой и горной местности, учитывая возможность быстрого извлечения клинка и простоты ремонта утраченных частей.

Для понимания истории возникновения аналогов в разных странах приведём несколько примеров безгардового оружия, которое встречается в других регионах. Например, есть такой вид «большого ножа», как «леппа» (известного и под другими местными названиями), родиной которого считается итальянская Сардиния. Форма рукояти и типологические параметры клинка очень сходны с известной нам кавказской шашкой. Считается, что этот тип оружия бытовал в средние века и использовался как для бытовых, так и боевых нужд. Эндемичен ли нож-леппа данному региону или же он был привнесён в данную местность кем-то в какой-либо период, достоверно неизвестно. Гипотетически он мог появиться и на Кавказе, так как генуэзцы и венецианцы с XIII века присутствовали и вели торговлю в регионе.

Упомянем и североитальянское оружие «фальшион», бывшее в ходу, по некоторым сведениям, с XIV века. По форме клинки фальшиона могли иметь довольно своеобразную геометрию, но среди них были и клинки, похожие на привычные нам сабельные, более позднего времени. Эфесы известных сохранившихся образцов, как правило, имеют перекрестья. Но клинок, на наш взгляд, мог оказаться в некоторой степени прототипом оружия, получившего распространение на Кавказе, попав в регион через итальянские фактории.

Флисса — оружие берберов северной Африки с длиной клинка от 50 до 70 см с характерной, узнаваемой геометрией клинка и острием штыковидной формы, безгардовым эфесом с клювовидным, иногда стилизованным под голову животного, окончанием рукояти. Считается, что флисса – это оружие XIX века, но мы знаем и про более ранний образец такого оружия, известный с 1762 года.

Хайбер — большой нож из Афганистана, которому такое название дали англичане, широко применявшийся в регионе во время колониальных войн Британии и Афганистана. Кстати, напомним, что идентичные хайберам ножи меньших размеров также встречались в Афганистане. Д. Ю. Милосердов предлагает в своей работе, на наш взгляд, спорную версию возникновения афганских шашек: «Шашка, возникшая из удлинённого и облегчённого "хайбера", с лезвием незначительной кривизны — могла быть более дешёвым и простым в изготовлении аналогом пулваров и шамширов, которая заменяла их всадникам» (Милосердов 2016, 6).

Некоторые виды ятаганов Османской Порты XIX века с клинками как прямой, так и вогнутой формы и безгардовыми рукоятями с характерными «ушами» также могут являться результатом эволюции более коротких ножей в «большие» ножи. Как раз в этом случае мы имеем для изучения большое количество ятаганных ножей разных размеров, схожих по геометрии клинка, рукояти и отделке.

Отметим также ряд сохранившихся изобразительных источников, ранее приводившихся исследователями. Примером может служить картина, нарисованная предположительно в Ширазе в 1580 г., иллюстрирующая жизнеописание шейха Сафи ад-Дина Ардабили, основателя суфийского ордена и династии Сефевидов. На ней изображена сцена грабежа бандитами каравана в горах Шираза. На рисунке мы видим длинные ножи с безгардовыми рукоятями, внешне похожие по длине и форме на кавказские шашки. Интересно, что некоторые из нападающих держат ножи во время нападения в

зубах¹. Надо сказать, что это наиболее раннее найденное изображение такого оружия, похожего на шашку, на восточной картине.

Существует также портрет Надир-Шаха Афшара (1750 г.), на котором изображён правитель Персии с шамширом без классической характерной для этой сабли крестовины (Хайдаков 2016, 88). Далее, приведем в качестве примера рисунок, помещенный в книге, написанной секретарем Надир-Шаха Афшара, Мирзой Мохаммедом Мехди Эстерабади, изображающий столкновение войск Надир Шаха с афганцами (1757 г.), где мы видим в руках воинов безгардовое оружие с сильно изогнутыми клинками шамширного типа (Tarikh-e Jahangoshay-e Naderi). Портрет османского правителя Мурада IV с саблей (1732 г.), на котором хорошо виден безгардовый эфес. Нам также известны фрески грузинских храмов XVII-XVIII вв., опубликованные в работе С. Талантова, Л. Двалишвили, найденные в Хобском монастыре (Мегрелия), с изображением шашки с ножами темно-коричневого цвета. В Сванетии, Чихареши, где изображены Джанбалат и Мераб Кипиани (Гибяни), вооружённые шашками, изображение неизвестного ктитора с шашкой из рода Микеладзе в Кулашской церкви (Имеретия) (Талантов, Двалишвили 2019). Изображение Святого Георгия с безгардовым оружием, очень похожим на известные кавказские шашки, мы видим на западно-грузинском манускрипте S1347 (Балакидзе, Кизириа 2015). Отметим и картины Д. И. Ефремова (1753 г.), И. В. Иловайского (1766 г.), изображающие казацких атаманов с шашками, представленные ранее на профильном форуме исследователем из г. Нальчика Ю. В. Кузнецовым, а также многочисленные гравюры, акватинты (например, Геслера Х. Г.) казаков конца XVIII-XIX в., где фиксируется безгардовое оружие, внешне похожее на шашку. Указанные выше факты демонстрируют пёструю картину разнообразного, конструктивно схожего безгардового оружия и «больших ножей», бытовавших в разных регионах и странах.

¹ The Aga Khan Museum. Shaykh Safi Al-Din Saving The Caravan Of Khwajeh Amin Al-Din. Accession Number: AKM264 (fol.138r). <https://agakhanmuseum.org/col-lection/artifact/shaykh-safi-al-din-saving-the-caravan-of-khvaja-amin-al-din-akm264-fol138r>. Автор выражает благодарность Д. А. Шереметьеву за указание на этот источник.

Одно из первых упоминаний о шашке и кинжале у чеченцев приводит, ссылаясь на источник 1747 года, С. Талантов (Ахмадов 2019, 21). В предписании командующего войсками в Кизляре генерал-лейтенанта А. П. Девица кизлярскому коменданту В. Е. Оболенскому отмечена стычка с чеченцами и упомянуто оружие под названием шашка. Также мы полностью согласны и со следующим выводом автора: «...сложившаяся на сегодняшний день тенденция выделять и рассматривать определённые виды оружия в контексте одной этнической группы, сословия или народа мешает изучению бытования оружия в масштабе региона единого социокультурного пространства, которым является Кавказ» (Талантов 2021, 261-278).

Отметим не только у черкесов, но и у других народов Кавказа схожую ситуацию отсутствия ранних образцов оружия, датируемого XVI-XVIII веками, которого практически не сохранилось. Это связано, на наш взгляд, с рядом причин: с небольшим количеством местных производственных центров в некоторых регионах, отсутствием мест и традиций хранения, что было обычным для шахских, султанских арсеналов, постоянным дефицитом оружия, его ценностью, естественным износом, переделкой и изъятием у населения.

В настоящее время, в соответствии с возросшим интересом этнических групп к исконным национальным скрепам, воссозданию и сохранению традиционных обычаев, возникли новые теории использования шашек и методики их применения. Например, речь идёт о технике быстрого извлечения шашки из ножен для нанесения мгновенного удара, подобной приёмам в японском боевом искусстве иай-до (батто-дзюцу). При этом исторических сведений хотя бы о единичном подобном применении сабли или шашки нами не найдено. Этому вопросу в своей работе касается и Д. А. Шереметьев. Автор отмечает: «В источниках же извлечение шашки из ножен, как правило, упоминается в тесной связи с извлечением винтовок из заплочных чехлов, причём действия огнестрельным оружием привлекают внимание свидетелей в первую очередь». И далее: «...умение быстро извлекать оружие не связано исключительно с одним видом оружия, но имеет комплексный характер» (Шереметьев 2022). Полностью соглашаясь с автором работы, добавим, что

боевые столкновения начинались с обмена выстрелами из винтовок, пистолетов, а уже потом использовалось длинноклинковое оружие, с которым к противнику приближались с извлеченным из ножен клинком.

Возможно, инициаторам возрождения национальных боевых искусств надо признать, что некоторые современные теории носят в большей степени гипотетический характер и не имеют исторического подтверждения, а историкам не следует превращать современные спортивные игры с оружием в исторические традиции древнего воинства.

В XIX в. мы уже имеем достаточное количество кавказских шашек с европейскими клинками, в том числе сабельными XVIII в. Примером наиболее раннего подобного оружия является «шашка Петра III», которая датируется 1763 годом. Значительно реже на кавказских шашках мы можем встретить иранские и турецкие клинки, которые почему-то не прижились в регионе. Некоторые европейские сабельные клинки XVIII в. позднее были укорочены со стороны эфеса и сточены по толщине по всей длине, также, как правило, убиралась и елмань. Клинки европейского производства и клейма часто имитировались местными мастерами во всех регионах Кавказа. Почему бы нам не предположить, что именно европейские сабельные клинки могли восприниматься местным населением Черкесии как «большие ножи», и чем предложенная нами версия сабли-большого ножа хуже общепринятой оружиеведами ранее, то есть — эволюции хозяйственно-бытового ножа в «большой нож»-шашку? Насколько нам известно, ранее такая версия почему-то историками не обсуждалась. Тем более что предложенный нами подход имеет многочисленные вещественные подтверждения, а именно — существование кавказских шашек с укороченными и переточенными в меньшие размеры европейскими сабельными клинками с клеймами «гурда» и «волчек» и многими другими, которые имитировались местными мастерами в более позднее время. А ножей «переходных форм», как мы указывали выше, подтверждающих их трансформацию в шашку на Северном Кавказе, пока не найдено. Напомним, что шашки и кинжалы, подписанные черкесскими мастерами, известны в единичных экземплярах. Если рассматривать версию возникновения черкесской шашки из хозяйственно-бытового оружия

крестьян, то есть ножа, подобного «мачете», тесака для рубки тростника, необходимого в джунглях или лесистой местности инструмента, то такое «крестьянское» оружие вряд ли бы прижилось у знатных черкесов. В других регионах Кавказа также рубили виноградную лозу, хворост, заготавливали лес, при этом обходились, по всей видимости, другими пригодными для этого орудиями труда, например, топором (цалда). Смеем предположить, что термин «боевой нож» появился в исторической литературе, вероятно, с лёгкой руки археологов.

Черкесская шашка, по мнению некоторых национальных исследователей, должна быть «лёгкой, как перо, острой, как бритва, и гибкой, как лоза». На этой исторической или не совсем исторической цитате, автор которой нам не известен, базируются прижившиеся современные представления о черкесской шашке.

Черкесская шашка как таковая, на наш взгляд, в большей степени представляет собой военно-исторический феномен. Она, по ряду признаков и использованных для изготовления материалов, ничем не отличается от других кавказских шашек. Основным определяющим признаком черкесского оружия или его имитаций на сегодняшний день является, на наш взгляд, исключительно особенность орнаментики и отделки, которая имеет свой собственный композиционный стиль. При этом отметим, что использованные в черкесской орнаментике элементы в виде рогов, фрагментов растительного орнамента и соляных знаков интернациональны и встречаются на территории не только Кавказа, а также других стран и народов. Мы их находим в многочисленных памятниках архитектуры, надгробиях, элементах резьбы по камню, дереву, на бытовой утвари и украшениях из разных регионов.

В дальнейшем шашка как часть Кавказского комплекса вооружения и костюма приобрела популярность среди казаков и офицеров Российской империи, не только по причине военной моды, но и из-за своей универсальности и удобства в бою. Считается, что возможность быстрого извлечения клика, конструкция ножен, простота изготовления и ремонта являлись конкурентным преимуществом данного типа сабли. Это, вероятно, и явилось основной причиной её массового распространения в Российской

империи, где впоследствии были созданы собственные образцы, не всегда похожие на кавказское оружие. Соответственно, прижился и термин «шашка» в военной среде казаков, русского офицерства и администрации Российской империи. Подобная история произошла и во Франции после походов Наполеона Бонапарта в Египет, где у французских офицеров вошёл в моду сильно изогнутый клинок восточного типа, который принято называть саблей «мамлюкского типа» («sabre de mamelouk») с клинком «восточной» формы и элементами европейской отделки.

Первые упоминания о шашке в русских источниках, как нам известно, стали появляться, начиная с XVIII века. В то же время возникают и галунные ножны, которые на долгое время стали визитной карточкой знатных черкесов, грузин, казаков и Собственного Его Императорского Величества конвоя. Интересная работа А. А. Родина, посвящённая галунным ножнам кавказской шашки, выявила отличия в устройстве галунов по местам производства и плетению, а также особенности галунных ножен, изготовленных в Грузии и других регионах Кавказа. А. А. Родин пишет: «В последние годы появились гипотезы о происхождении шашки у донских казаков от народов Западной Грузии и даже из Средней Азии. Вполне возможно, все эти гипотезы найдут со временем подтверждение. <...> Если рассматривать галунную шашку как единый комплекс "шашка – галунные ножны – система подвеса", то не должно возникать сомнений в северокавказском происхождении данного самобытного вида оружия, которое является примером того, как местные мастерицы – в соответствии с древними народными традициями построения и украшения костюма и бытовой утвари – совместили грозное оружие с комплексом одежды и амуниции знатного воина» (Родин 2023, 189).

При этом автор подытоживает своё исследование так: «Традиционное оформление ножен по совокупности признаков не даёт возможности опровергнуть, по крайней мере, на данном этапе, утверждение о северокавказском происхождении комплекса "шашка-галунные ножны"» (Указ. соч., 118-195). Отметим, что ткачество галунов на Северном Кавказе было традиционным женским ремеслом: «Черкешенки ткнут серебряные и

золотые галуны с отличным искусством и неподражаемым вкусом» (Хан гирей 1978, 266).

Исследуя вопрос возникновения и применения термина «шашка», мы пришли к выводу, что указанный термин в Российской империи мог применяться и к саблям. Появившись в XVIII в., он использовался у некоторых народов параллельно, постепенно вытесняя другие названия подобного оружия и полностью доминируя уже к XIX-XX векам. Тем более что «в иностранной литературе шашка считается разновидностью сабли», что отмечал историк А. Н. Кулинский (Кулинский 2005, 15). Отметим лишь, что используемые в настоящее время классификации и признаки, отличающие сабли от шашек, в недалёком прошлом, вероятно, не имели большого значения. Это мы видим и в документах уставных образцов оружия в Российской империи XIX в. Часто «шашки» значились в документах как оружие кавказского, азиатского образца, «казацкие» или «черкесские». Независимо от вида и строения эфеса, типичных для сабель или шашек ножен и способа подвеса шашками в документах Российской империи могли называться и принятые на вооружение сабли. В приказах и чертежах военных ведомств Российской Империи мы встречаем разные названия шашек. Приведём только несколько примеров.

Считается, что первые шашки появились у Донской конвойной команды, состоящей «при особе» императрицы Екатерины Великой, позднее и у Чугуевских казаков.

На кавказскую шашку ещё в 1824 году обратил внимание генерал А. Ермолов. Позднее в описаниях можно встретить упоминание «азиатской сабли» («сабля с черной деревянной рукоятью»), которую также называли «нижегородкой», имеется в виду шашка образца 1834 г., или черкесской шашки в описании обмундирования, вооружения и конской принадлежности конно-артиллерийской бригады Кавказского казачьего войска, состоящей из батарей № 13, 14 и 15, где в документах шашка и кинжал указаны как черкесские 1845 г. (Положение о Кавказском... 1845, 77).

Артиллерийская шашка образца 1868 г., которая применялась в артиллерийских частях, а также в Отдельном корпусе пограничной стражи, имела сабельный эфес с перекрестьем и дужкой.

Уже в 1881 году Нижегородский полк получил «казацкую шашку нового образца». Александр III в указе от 8 августа 1889 года утвердил: «...оставить в 44 драгунском Нижегородском и 45 драгунском Северском полках. Для офицеров и нижних чинов, сабли прежнего азиатского образца, которые, согласно приказа В.В. 1881 г. № 222, заменены были в этих полках казачьими шашками нового образца». Сабельный эфес мы также видим и на чертеже офицерской шашки с клинком образца 1881 года «с Высочайше утверждённым эфесом» от 11 ноября 1908 года приказом по В.В. 1909 г. № 102. Образец офицерской азиатской шашки был утверждён 5 марта 1913 г. и должен был соответствовать чертежам, опубликованным в приказе по Военному ведомству № 359. Чертеж офицерской шашки кавказского образца мы также видим в приложении к приказу по Военному ведомству № 359 от 5 июля 1913 г.

Наглядным примером в более позднее время служит и рекламный лист прейскуранта мастерской отходника из Гази-Кумуха Г. Гузунова, работавшего во Владикавказе поставщика Терских казачьих войск. На этом листе указано: «Специально разных казачьих и азиатских оружий, шашек и кинжальных клинков...» (Аствацатурян 2004, 127). Как мы видим, и здесь на рекламном листе нет ссылки на черкесскую шашку.

Из малой части приведённых примеров мы видим, что в документах военных ведомств Российской империи шашки значатся или указаны под разными названиями (азиатские, кавказские, черкесские, казачьего образца), что, на наш взгляд, может говорить о малой значимости для наших предшественников используемой в документах терминологии и некоторых типологических признаков, которым сейчас, иногда, придаётся большое значение некоторыми исследователями.

Можно проследить исторический контекст: кавказская война, военная мода, удобное и качественное оружие и вместе с этим этнические названия.

Причину экспансии термина «шашка» в русский язык и военную терминологию сложно объяснить. Исторические парадоксы не всегда

поддаются логическим построениям. Заимствование и использование иностранных слов в русском языке происходило во все времена. Мы по сей день используем слова из римского права, французского, английского, татарского и других языков. В нашем случае ряд терминов пришли в русский язык вместе с кавказским комплексом вооружения, заимствованным казаками и военными в период боевых действий на Кавказе.

Как известно, длительное бытование и производство тех или иных распространённых видов оружия оставляют массовые следы в истории, поэтому всегда можно найти соответствующий исторический материал. Приведём несколько таких примеров.

Шамширы (персидские сабли), распространённые в Иране, Османской империи, Аравии, Средней Азии, Индии и т. д., имеют общую геометрию клинка, но при этом и весьма разнообразные формы эфесов в разных регионах. «Шамшир» – термин, ранее определявший любой тип меча-сабли, бытовавшей в Индо-Персидском регионе, со второй половины XVIII века начинает применяться к известной нам сабле с клинком значительного изгиба, равномерно сужающимся к острию, клиновидным или линзовидным в сечении. Такие клинки в Османской Порте могли называться «килич» или «аджеми-килич», в Индостане — «талвар», в Аравии — «саиф», а в Афганистане — «шамшир». Подобная форма клинка могла появляться в разных местах как в результате самостоятельного развития, так и в результате заимствования удобного оружия у соседей. Кроме того, местный арсенал мог пополняться за счёт поставок торговцами качественных клинков из Индо-Персидского региона. Несмотря на высокую стоимость булатной стали и сложность технологии производства подобных клинков в XVII-XVIII вв., сохранилось большое количество таких сабель как в дорогой, так и в «простой», дешёвой отделке. Отметим, что боевое, массовое оружие практически не украшалось, было утилитарным. Основной, наиболее важной деталью был клинок. Вывод напрашивается сам собой: когда клинки выпускались в массовых количествах в многочисленных мастерских крупных региональных центров, они экспортировались, использовались по своему назначению, преподносились в качестве дорогих подарков и оставляли

значительный след в истории. Поэтому мы имеем большое количество шамширов XVII-XIX вв. в музеях разных стран и в частных коллекциях.

В качестве ещё одного примера можно привести кинжал «кама», типичный для Кавказа, который получил массовое распространение в XIX - начале XX века в этом регионе и в сопредельных государствах. Такие кинжалы производились в огромных количествах на территории Кавказа, Ирана, Азербайджана, Турции, Аравии и Российской империи. Сохранилось большое количество кинжалов, типологически сходных по форме клинков, в том числе с надписями, датами и клеймами известных мастеров. При этом кинжалы при общем сходстве конструкции имеют и некоторые региональные отличия в геометрии и строе клинков, в использованной стали, материалах и особенностях отделки, что позволяет в ряде случаев их более точно идентифицировать. Даже относительно небольшие по численности этносы, проживавшие на Кавказе, оставили достаточное количество исторического материала для изучения. В основной массе это предметы XIX - начала XX в. В случае черкесских кинжалов мы не находим типологических отличий «черкесских» клинков от клинков кинжалов других регионов Кавказа, как и в случаях с длинноклинковым оружием, где основным критерием атрибуции остаётся лишь орнаментика в черкесском стиле. При этом надо понимать, что при общей бедности населения на Кавказе украшенное оружие могли себе позволить только представители местной аристократии, особенно в XIX веке с приходом в регион Российской империи, когда украшенное оружие демонстрировало статус владельца и его благосостояние и отделке оружия придавалось большее значение, чем качеству клинка.

Единственная профильная научная работа по происхождению, развитию и бытованию черкесского оружия написана кандидатом исторических наук Ф. Р. Наковым. Хотелось бы коротко остановиться на некоторых важных, на наш взгляд, моментах и заключениях автора. По утверждению Ф. Р. Накова, «традиционные адыгские ножи, мечи, палаши и сабли... исследовались в меньшей степени, т. к. отсутствует приемлемый вещественный материал либо результаты реконструкции данных видов оружия для более глубокого и многостороннего исследования». Далее: «Оно

(черкесское оружие — К. Х.), являясь широко известным, до сих пор не изучено как эффективное боевое оружие» (Наков 2004, 4, 5). Автор приводит в качестве источника информации и анализа примеры восьми черкесских шашек из частных коллекций «ориентировочно XVIII-XIX веков», шести сабель казённых образцов, изготовленных для Российской армии (Указ. соч., 8), при этом на одной из них на рукояти имеется арабская надпись с указанием на принадлежность предмета Айтеку из рода Альтудоковых. Следующая группа состоит из тридцати пяти кинжалов Кабарды, Абхазии, Грузии и Дагестана, двух ножей Абхазии и Турции и т. д. (Указ. соч., 8, 9). Автор приходит к выводу, что «многие особенности черкесской шашки объясняются тем, что она принадлежит к разряду "боевых ножей" и подчёркивает явное родство последней с древнейшим ножом» (Указ. соч., 14). Заслуживают внимания и другие выводы исследователя, например: «Утапливание рукояти шашки в ножны — утапливание костяного ножа в ножны по головку кости», «кость первична в конструкции формы рукоятей...», «шашечная рукоять является не просто имитацией кости, а результатом развития костяных рукоятей...» (Указ. соч., 14, 17).

Не умаляя научную значимость работы Ф. Накова, все же обратим внимание на небольшой объем исследуемого в ней тематического материала, который можно было в полной мере отнести к работам именно черкесских мастеров. Ряд весьма интересных, но имеющих гипотетический характер заключений автора можно с таким же успехом применить не только к черкесскому, но и к похожему по описаниям оружию из других регионов. Например, отмеченные автором признаки оружия, такие как «утапливание костяного ножа в ножны...», «костяные рукояти», мы находим в истории развития различных видов оружия других стран: Ирана, Афганистана, Турции и др. Подобный образец с утопленной рукоятью в ножнах отражён даже в записях Сигизмунда Гильберштейна («продолговатые кинжалы, висящие, как ножи, спрятаны в ножнах до такой степени глубоко, что с трудом можно добраться до верхней части рукояти и схватить ее в случае надобности») (Гильберштейн 1988, 114) в Московии в XVI в., что тем не менее не позволяет нам утверждать о первичном происхождении таких образцов в Московском

царстве. Автор в начале работы отмечает, что «отсутствует приемлемый исторический материал», и к этому нам более нечего добавить.

Визитная карточка в отделке черкесского оружия на сегодняшний день – это орнамент и техника украшения серебряных деталей, которые имеют свои узнаваемые черты и которые активно копировались мастерами при украшении оружия и в других регионах Кавказа, Турции и Российской империи. Вот что писал о работе черкесских мастеров Хан Гирей: «Серебряные изделия достойны удивления по прочности и чистоте отделки. Чернь и позолота, с величайшим искусством на них наводимые, превосходны в полном смысле этого слова, и, что важнее всего, эта чернь и эта позолота почти никогда не сходят» (Хан Гирей 1978, 265, 266). Некоторые элементы черкесского орнамента известны под более поздним общим названием «черкес накыш» (солярные знаки, орнамент в виде рогов, ветвей, запятых и завитков с большим незаполненным пространством). На наш взгляд, национальный орнамент, и только он, является основным признаком черкесского оружия или оружия с «черкесским стилем в отделке», отличающим его от остальных. Следует отметить, что работа непосредственно черкесских мастеров несколько отличается от поздних имитаций по технике гравировки орнамента и фона, что хорошо известно профильным специалистам.

Выбитые клейма-штампы мы встречаем на ружейных стволах, ятаганах, кинжалах, кवादарах, изготовленных на территории Османской империи, Ирана и Закавказья. На наш взгляд, такой способ маркировки оружия не связан с ремесленными традициями черкесских мастеров. Известно, что ружейные, винтовочные, пистолетные стволы не только привозились из Европы, Турции, Персии, Дагестана (Кубачи, Харбук), но и частично изготавливались в Крыму, а уже затем могли комплектоваться и украшаться в черкесском стиле местными мастерами. В частности, Бахчисарай ежегодно поставлял черкесам тысячу ружейных стволов (Западно-Кавказские горцы... 1891, 24). На сохранившихся образцах оружия мы видим, прежде всего, османскую и персидскую традицию нанесения клейм мастера и проверочных клейм. В подавляющем большинстве это клейма с традиционными мусульманскими, а не адыгскими именами, при этом необходимо учитывать,

что проникновение исламской культуры в Черкесию приводило и к распространению мусульманских имён у местного населения. Украшение стволов золотой и серебряной насечкой и элементы отделки разных частей и деталей оружия выполнялись как черкесскими мастерами, так и мастерами в других регионах Кавказа, как правило, в соответствии с местными традициями и пожеланиями заказчиков.

Историки при исследовании любого вопроса должны отталкиваться от всестороннего анализа всего сохранившегося культурного материала, подходить к оценке изучаемых источников объективно и неангажировано. При этом необходимо сохранять бережное отношение к историческому прошлому каждого малого народа Кавказа. Тем не менее в ряде обсуждаемых вопросов давно назрела необходимость научной конструктивной критики устоявшихся парадигм.

Нельзя рассматривать культуру народов Черкесии в отрыве от других этносов Кавказа, взаимовлияния и взаимопроникновения культур соседних крупных империй, народов и государств. Нужно исследовать и учитывать не только военно-политическое и культурное влияние больших сил глобального значения, но и производственные и торговые отношения в разное время. Отметим и некоторую терминологическую путаницу в исторических источниках и литературе. Так, использовавшиеся определения «черкесы», «Черкесия» не всегда применялись к конкретным территориям и населявшим их этносам, так же как и термин «шашка» к некоторым образцам оружия.

Поиск в исторических источниках и «на земле» крупных центров, производивших оружие и защитное вооружение в Черкесии, обнадёживающих результатов на данный момент не принёс. Основная часть вооружения на Северный Кавказ в средние века поступала, вероятно, из тех же источников, что и в Золотую Орду. Сначала — из итальянских факторий (в качестве импорта) и местных производств, организованных геноуэцами и венецианцами, персидских производственных центров, Египта, Закавказья, Дагестана и Османской Порты. Позднее, в период раннего Нового времени вплоть до начала XX века — из центров производства на Кавказе, Закавказья, Турции и Российской империи.

Относительно комплекса вооружения черкесов (адыгов) приходится констатировать следующее: он возник под влиянием более крупных империй и эволюционировал одновременно со сменой основных политических игроков в регионе, сохраняя национальные черты и с некоторым отставанием. Определение сабель со штыковидным остриём как «черкесских» и «на черкасское дело», которое мы находим в некоторых исторических источниках, имеет место, но на данный момент не подтверждается бесспорными вещественными доказательствами. Среди известных сохранившихся образцов подобного типа сабель, изготовленных в Черкесии, мы не находим. При этом достоверно известно, что такие клинки производились в Персии и бытовали не только на территории Северного Кавказа, но и в других регионах. Преемственность или генезис подобных клинков из сабель хазарского и золотоордынского периода можно предположить, при этом такие «эволюционные цепочки» имеют достаточное количество отсутствующих звеньев и требуют дальнейшего изучения. Также нельзя исключить и привнесение такого оружия в регион в XVII веке из Персии, где, как известно, встречались сабли с разной геометрией клинка. Сохранившиеся черкесские боевые наголовья, шлемы, мисюрки, панцири, кольчуги и наручи хорошо известны и отличаются от подобных изделий из других регионов, прежде всего, отделкой с использованием накладных элементов из сплава меди, а также характерной, узнаваемой орнаментикой. Нельзя исключать, что некоторые изделия могли производиться и на Северном Кавказе полностью, но, на наш взгляд, большая часть защитного вооружения привозилась из Европы и восточных стран, а в указанном регионе лишь украшалась.

А термин «шашка», встречающийся в русских документах, начиная с XVII в., первоначально не был привязан, на наш взгляд, к какой-либо этнической группе или народности. В научной среде укоренилось мнение о происхождении этого термина от адыгского слова «саш хо», обозначающего «большой нож», а в дальнейшем и черкесскую шашку. Как уже было отмечено выше, мы в своей работе не придерживаемся версии трансформации хозяйственно-бытового ножа в оружие всадника – шашку, поскольку такая версия не имеет исторического подтверждения, в том числе из-за отсутствия

переходных форм. Также сложно представить принятие черкесской аристократией такого «низкого по происхождению» оружия. Нами предлагается обратная версия, когда несколько уточненный и укороченный со стороны рукояти клинок с безгардовым эфесом мог восприниматься местным населением как «большой длинный нож».

Далее, уже в XIX и XX веках, этот термин стал применяться к казацким, азиатским, черкесским, бухарским, афганским шашкам и также к саблям, что следует из документов Российской империи, научной и мемуарной литературы. Распространение термина «шашка» в Российской империи произошло в XIX в., в том числе благодаря переходу от сабель с классическими для этого типа оружия эфесами к безгардовому типу сабли, то есть к шашке, более дешевому в производстве и удобному оружию для применения в условиях горной и лесистой местности. Стимулирующим фактором популярности послужила Кавказская война и, как следствие, возникшая мода на «все кавказское» — сначала у казаков, проживавших на Кавказе, а позднее — в среде военных и чиновников Российской империи. Конечно, отметим, что и само кавказское оружие имело высокие боевые качества и изысканный вид. В этом случае мы видим один из примеров феномена, когда государство-победитель стало перенимать оружейный комплекс у побеждённых народов. Хотим заметить, что, на наш взгляд, русская шашка — это отдельный тип оружия, который при некоторой внешней конструктивной схожести с кавказским безгардовым оружием, например, в случае шашки образца 1838 года, имеет свои особенности, отличия клинка и рукояти и является симбиозом более с европейским, нежели с восточным оружием.

Клинки черкесских шашек и кинжалов XIX века в своём большинстве ничем не отличаются от других изделий оружейников, бытовавших в регионе, и являются типичными для всего Кавказа. Для изготовления шашек XVIII - первой трети XIX века, как уже говорилось, использовались в основном привозные сабельные клинки, которые также активно имитировались кавказскими мастерами повсеместно. Наличие на оружии выбитых клейм и надписей с мусульманскими именами может свидетельствовать, в первую очередь, о привозном характере стволов и клинков или изготовлении их

мастерами-мусульманами на территории Кавказа, а в некоторых случаях и в Черкесии. Адыгские имена и надписи на клинках и деталях оружия встречаются крайне редко и однозначно трактуются специалистами как черкесские изделия. Отметим и тамги, родовые знаки кабардинцев, встречающиеся на деталях оружия, напомним, что подобные знаки мы находим и на востоке («васмы»), а также у золотоордынцев, крымских ханов Гиреев, башкир и других народов.

Большая часть дошедших до нашего времени предметов в «черкесском стиле» XIX века, особенно его второй половины, была изготовлена не на Северном Кавказе, а произведена в Тифлиских акмарствах, мастерами армянами, лакцами, кубачинцами, русскими, в том числе в Санкт-Петербурге и других городах Российской империи, а также на территории современных Турции, Сирии, Ирана, Ирака, Йемена в результате отходничества и вынужденной иммиграции черкесов (мухаджиров) и ремесленников других национальностей с Кавказа.

Мы часто сталкиваемся с тенденцией продвижения современных, подчас фантазийных теорий возникновения и использования оружия национальными исследователями без достаточного подтверждения их историческими фактами и доказательствами. Такие теории зачастую уводят нас в область мифологии и требуют как минимум коррекции, а в некоторых случаях и полного пересмотра.

При отсутствии достаточного исторического вещественного материала каждый источник или предмет необходимо рассматривать в отдельности, анализируя и описывая каждую его деталь, не занимаясь обобщением и гипотетическими выводами.

Следует отметить, что найденные единичные изделия мастеров не всегда свидетельствуют об их массовом производстве и бытовании в регионе. Как известно, массовое производство оставляет и массовые вещественные доказательства.

Подводя итоги, можно заключить, что мы столкнулись в некоторых случаях с военно-историческим феноменом, когда в мемуарной и научной литературе сформировано распространённое мнение о различных типах

оружия черкесского происхождения, хотя исторических источников, доказательно подтверждающих его производство в регионе, и сохранившихся в достаточном количестве вещественных памятников, к сожалению, не так много.

Клинки сабель, шашек и кинжалов на Северном Кавказе, конечно же, изготавливали, но местное производство носило кустарный характер и не могло обеспечить потребности многочисленного черкесского воинства, при этом образцы черкесских мастеров сложно отличить от оружия, изготовленного в других регионах Кавказа. Большая часть холодного оружия, в особенности сабель и шашек, в Кавказский регион завозилась из европейских стран. То же самое можно сказать и об огнестрельном оружии XVIII-XIX вв. Дошедшие до нас образцы кавказских винтовок и пистолетов имеют стволы европейского, турецкого, персидского и дагестанского производства. Возможно, что местные мастера (Северного Кавказа) разработали конструктивно не сложный кремневый замок, известный в оружейведении как «черкесский», но изготовление стволов являлось трудоёмким и требующим большого мастерства производственным процессом. Из исторических источников известно о поставках в регион ружейных стволов из Бахчисарая, где, вероятно, было налажено их производство. Сведений же о других крупных центрах производства в рассматриваемом регионе, как указывалось выше, пока не найдено.

Следует отметить, что ранние образцы кавказского холодного и огнестрельного оружия, например XVI-XVII вв., практически не сохранились, или их сложно идентифицировать по месту и точному времени изготовления. К сожалению, это общая проблема для историков и исследователей кавказского оружия. Черкесские этносы в течение многих веков формировались как военизированные общественные структуры, впитывая в себя все новшества оружейных культур разных народов, выбирая, в том числе и более качественное, эффективное экспортное оружие, что позволяло черкесам вести успешные боевые действия и оказывать существенное влияние на жизнь Кавказа.

Атрибуция этнических образцов кавказского оружия, в том числе и черкесского, при отсутствии возможности идентификации клинков и стволов по местам их производства, по нашему мнению, возможна лишь с помощью исследования элементов отделки, материалов, композиции орнаментики, её национальных особенностей, ювелирных техник (насечки, гравировки и чеканки, чернения и золочения), учитывая время и место, где было украшено оружие, дифференцируя более ранние и поздние его элементы и исторический облик предмета исследования в целом.

В заключение скажем, что, не умаляя оружейные традиции, историю и значимость черкесского воинства в жизни Кавказского региона и Российской империи, его многовековую борьбу за свою независимость, необходимо объективно подходить к исследованиям истории оружия, его производства и бытования.

Библиография

- Абашин С.Н. Ишан // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып. 2. — М., 1999.
- Алемань А. Аланы в древних и в средневековых письменных источниках. — М., 2003.
- Асвацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. — Санкт-Петербург: «Атлант», 2004 г.
- Ахмадов Я.З. Чечено-русские отношения в VIII веке. — Т.1. — Грозный, 2019.
- Бакрадзе И., Кизириа В. Западно-грузинские палаши и сабли с наклонным эфесом открытого типа и их место в эволюции кавказского длинноклинкового оружия // Историческое оружиеведение. — 2015. — № 1. — С. 5 — 29.
- Батырай О. Песни. Пер. с даргинского. — М., 1959.

- Броневский С.М. Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Подготовка текста к изданию, предисловие, примечания, словарь малоупотребительных слов, указатели И.К. Павловой. — Санкт Петербург: «Петербургское Востоковедение», 2004.
- Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времён до настоящего времени. — СПб., 1877.
- Галонифонтибус, Иоанн де. Сведения о народах Кавказа 1404 г. Из сочинения «Книга познания мира». — Баку: Элм, 1979.
- Гарданов В. К. О расселении и численности адыгских народов в первой половине XIX Вопросы этногенеза палеоэтнографии и исторической этнографии // Этнографическое обозрение. — №4. — С. 72—93. — 1963.
- Гильберштейн С. Записки о Московии. Пер. с нем. А.И.Малеина и А.В.Назаренко. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 430 с.
- Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. — Нальчик, 2008.
- Дружинина И.А., Илюшина М.И., Кабардов. И.Б. Жизнь и место обитания зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование Джорджио Интериано: комментарии к тексту источника // История, археология и этнография Кавказа. — Т. 19. — №4. — С.921—933. — 2023.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднокочевнические сабли // Степчтения. — Вып.ХХI. — Симферополь-Керчь, 2009.
- Евдокимов Р. М. Казачье сообщество Терского города в 1-ой половине XII века: состав, организация и деятельность // Первая международная научная конференция. Империя и Кавказ. Сборник научных статей. — Санкт-Петербург, 2022.

- Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: в материалах Кафы XIII-XV вв. — Тюмень, 1995.
- Железнов В.Ф. Исторические сведения о булате в России // Беляев Н.Т. О булатах (с приложением Исторических сведений о булате в России В.Ф. Железнова и Описания коллекции восточного оружия Д.К. Чернова). — СПб., 1906.
- Зайцев И.В. Брат султана Мурада III на имя Мехмеда о назначении его санджакбеем Кафы и эмиром черкесских земель (1590 г.). // Средневековый Восток: историографии и источниковедения (Сборник статей памяти Героя Советского Союза, академика З.М. Бунятова). — Баку: Элм, 2015.
- Западно-Кавказские горцы и ногайцы в XVII столетии по Пейсонелю. Материалы для истории Западно-Кавказских горцев // Кубанский сборник. — Том 2. — 1891
- Зевакин Е.С., Пенченко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XII и XV вв.: Исторические записки. — 1938.
- Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII веках. Документы и материалы в 2 томах. — Т.1. — Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2006.
- Клапрот Г. Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг. // АБКИЕА. — С. 235—280. — Нальчик, 1974.
- Кокиев Г.А. История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. — Нальчик: Эль-Фа, 2005. — 904 с.
- Кулешов Ю.А. Оборот оружия в Золотой Орде // Золотоордынская цивилизация. — №7. — С. 199—251. — Казань, 2014.
- Кулешов Ю.А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружений // Золотоордынская цивилизация. — Выпуск 3. — С. 73—97. — Казань: «Фен» АН РТ, 2010.
- Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. — СПб, «Атлант», 2005.

- Курмановский В.С. Сабельные клинки в России XVI-XVII вв.: морфология и конструктивные особенности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. 2010.
- Курочкин А.Ю. Длинноклинковое оружие моголов в XVI веке // Мир оружия: история, герои, коллекции. Материалы Международной научно-практической конференции 21-22 октября 2016 г. Тула, 2016. С. 187—189.
- Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X-XVII вв. — Москва, 1966.
- Люлье Л. Черкессия. Историко-этнографические статьи // Материалы для истории черкесского народа. — Вып. 1. — Нальчик, 1991.
- Малов С.Е. Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятилетию. Сборник статей. — М., 1953.
- Матузова В.И. Английские средневековые источники IX—XIII вв. — М., 1979.
- Милосердов Д.Ю. Афганская шашка // Историческое оружиеведение. — 2016. — № 3. — С. 48—62.
- Наков Ф.Р. Черкесское (адыгское) клинковое оружие. Автореферат диссертации кандидата исторических наук. 2004.
- Некрасов А.М. Избранные труды. — Нальчик, 2015.
- Новицкий Г. В. Топографическое описание северной покатости Кавказского хребта // «Кубанские областные ведомости». — № 38. — 1884.
- Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. — Нальчик, 1994.
- Орленко С.П., Новоселов В.Р., Курмановский В.С. К вопросу о булатном оружии русской работы XVII в. (по материалам бывшего архива Оружейной палаты) // Историческое оружиеведение. — 2019. — № 7. — С. 6—88.
- Плетнев С.А. Древности черных клобуков // САИ. — М., 1973.

- Подробное описание Персии. Часть 2. — Москва. 1829.
- Положение о Кавказкомъ линейномъ казачьемъ войскъ. — С. Петербургъ, 1845.
- Потто В.А. Кавказская война. — М., 2007.
- Прокопенко В.М. Краткий очерк истории северокавказской сабли со штыковым острием // Военное дело Улуса Джучи и его наследников: Сб. науч. тр. — Астана: Фолиант, 2012. — С. 284—295.
- Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах. Пер. с нем. М.С. [лавич]; Ред. Ф.К. Бруна и Г.Э. Караулова // ЗООИД – Одесса, 1881.– Т.12.– С. 62—208.
- Родин А.А. Шашка в ножнах с галунами. Пример памятника декоративно-прикладного искусства, объединяющего этнографию и историческое оружиеведение // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Одиннадцатой Международной Научно-практической конференции. Часть III. — Санкт-Петербург, 2023.
- Сальников А.В. К вопросу об атрибуции некоторых шлемов Северного Кавказа XII-XVI вв. // Теория и практика археологических исследований. — Т. 19. — № 3. — С. 91—106.
- Сейдалиев Э.И. Эволюция клинкового оружия средневековых кочевников в степях южной Украины и Крыма до вторжения монголо-татар // Боспорские исследования. Вып. XXI. — С. 364—374. — Симферополь - Керчь, 2009.
- Сокровища прикладного искусства Ирана и Турции XVI-XVIII веков. Из собрания Государственных музеев Московского Кремля: Кат. Сост. И.И.Вишневская и др. — М.: Советский художник, 1979. — 71 с.
- Схатум Р.Б. Военное дело Адыгов в средние века (вторая половина VIII-XVII вв.). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Майкоп, 2007.

- Талантов С.В. К вопросу о бытовании шашки на Кавказе и Дону во второй половине XVIII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Десятой Международной научно-практической конференции 12-14 мая 2021 г. — Часть 2. — СПб., 2021.
- Талантов С.В., Двалишвили Л.Б. Изображения шашки в монументальной живописи западной Грузии XVII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Девятой Международной научно-практической конференции 15-17 мая 2019 г. — Ч. II. — СПб., 2019. — С. 394—407
- Тебу де Мариньи. Путешествия в Черкесию в 1818 году // АБКИЕА. — С. 291—322— Нальчик, 1974.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (извлечение из персидских сочинений). — Т. II. — М., 1941.
- Толстой Л. Н. Записки о Кавказе. Поездка в Макай-Юрт. Полное собрание сочинений под общей редакцией В.Г.Черткова. — т.3. — М.-Л., 1932.
- Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера // «Русский вестник». — т.53. — № 9. — 1864.
- Фехнер М.В. Торговля русского государства со странами востока в XVI века. — Москва, 1956.
- Хайдаков К.С. Некоторые вопросы коллекционирования, подлинности, реставрации и подделки исторического оружия // Империя и Кавказ. Первая международная научная конференция. Сборник научных статей. — Санкт-Петербург, 2022. — С. 156—166.
- Хайдаков К.С. Персидские сабли, некоторые вопросы атрибуции. — М., 2016.
- Хан-Гирей. Записки о Черкесии. — Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1978.
- Хотко, С.Х. Черкесское пиратство // История Черкесии. — СПб., 2001. — С. 249—269.

- Челеби Э. Книга путешествия. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979.
- Шереметьев Д.А. Сдержанность и агрессивность // Теория и практика регионоведения. Том V. Труды III Международной научно-практической регионоведческой конференции «Регионалистика Кавказа». — СПб, 2022. — С. 481—519.
- Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. — М.: «Наука», Издательская фирма «Восточная литература», 1993.
- Balard M. La Romanie genevoise: XIIe - debut du XVe siècle. Rome, 1978.
- Tarikh - e Jahangoshay-e Naderi. Soroush Press & Negar Books. Tegeran, 1991.

References

- Abashin S.N. (1999). Ishan [Ishan]. *Islam na territorii byvshej Rossijskoj imperii. Jenciklopedicheskij slovar'* [Islam on the territory of the former Russian Empire. Encyclopedic Dictionary]. Vol. 2. M.
- Akhmadov Ya.Z. (2019). *Checheno-russkie otnoshenija v VIII veke* [Chechen-Russian relations in the 8th century]. V.1. Grozny.
- Alemaný A. (2003). *Alany v drevnih i v srednevekovyh pis'mennyh istochnikah* [Alans in ancient and medieval written sources]. M.003.
- Asvatsaturyan E.G. (2004). *Oruzhie narodov Kavkaza* [Weapons of the peoples of the Caucasus]. St. Petersburg, Atlant Publ.
- Bakradze I., Kiziria V. (2015). Western Georgian broadswords and sabers with an inclined open hilt and their place in the evolution of Caucasian long-bladed weapons // Historical weapons science, No. 1, pp. 5 - 29.
- Balard M. La Romanie genevoise: XIIe - debut du XVe siècle. Rome, 1978.
- Batyrai O. (1959). *Pesni. Per. s darginskogo* [Songs. Tr. from Dargin]. M.

- Bronevsky S.M. (2004). *Novejshija izvestija o Kavkaze, sobrannyja i popolnennyja Semenom Bronevskim* [The latest news about the Caucasus, collected and supplemented by Semyon Bronevsky]. St. Petersburg, "Petersburg Oriental Studies" Publ.
- Celebi E. (1979). *Kniga puteshestvija* [Travel Book]. M., Main editorial office of oriental literature of the publishing house "Nauka".
- Druzhinina I.A., Ilyushina M.I., Kabardov. I.B. (2023). Zhizn' i mesto obitanija zihov, imenuemyh cherkesami. Dostoprimechatel'noe povestvovanie Dzhordzhio Interiano: komentarii k tekstu istochnika [Life and habitat of the Zikhs, called Circassians. A remarkable narrative by Giorgio Interiano: comments on the text of the source]. *Istorija, arheologija i jetnografija Kavkaza* [History, archeology and ethnography of the Caucasus], v. 19, No. 4, P.921-933.
- Emanov A.G. (1995) *Sever i Jug v istorii kommercii: v materialah Kafy XIII-XV vv.* [North and South in the history of commerce: in the materials of Kafa XIII-XV centuries]. Tyumen.
- Evdokimov R. M. (2022). Kazach'e soobshhestvo Terskogo goroda v 1-oj polovine XII veka: sostav, organizacija i dejatel'nost' [Cossack community of the Terek city in the 1st half of the 12th century: composition, organization and activities]. *Pervaja mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. Imperija i Kavkaz. Sbornik nauchnyh statej* [First international scientific conference. Empire and the Caucasus. Collection of scientific articles]. St. Petersburg.
- Evglevsky A.V., Potemkina T.M. (2009). Potemkina T.M. Vostochnoevropejskie pozdnokochevničeskie sabli [Eastern European late nomadic sabers]. *Stepčtenija* [Stepčteniya], Issue XXI, Simferopol-Kerch.
- Fekhner M.V. (1956). *Torgovlja russkogo gosudarstva so stranami vostoka v XVI veka* [Trade of the Russian state with the countries of the East in the 16th century]. Moscow.
- Galonifontibus, John de. (1979). *Svedenija o narodah Kavkaza 1404 g. Iz sočinenija «Kniga poznanija* [Information about the peoples of the

Caucasus in 1404. From the essay “The Book of Knowledge of the World”].
Baku, Elm Publ.

Gardanov V.K. (1963). O rasselenii i chislennosti adygskih narodov v pervoj polovine XIX Voprosy jentogeneza paleojetnografii i istoricheskoy jetnografii [On the settlement and number of Adyghe peoples in the first half of the 19th century. Questions of the entogenesis of paleoethnography and historical ethnography]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 4. P. 72-93.

Gilberstein S. (1988). *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. M., Moscow State University Publishing House. 430 p.

Gorelik M.V. (2008). Cherkesskie voiny Zolotoj Ordy (po arheologicheskim dannym) [Circassian warriors of the Golden Horde (according to archaeological data)]. *Vestnik Instituta gumanitarnyh issledovanij pravitel'stva KBR i KBNC RAN* [Bulletin of the Institute for Humanitarian Research of the Government of the Kabardino-Balkarian Republic and the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Nalchik.

Hajdakov K.S. (2016). *Persidskie sabli. Nekotorye voprosy atribucii* [Persian sabers. Some attribution issues]. M., Front kniga Publ. 160 p.

Hajdakov K.S. (2022). Nekotorye voprosy kollekcionirovanija, podlinnosti, restavracii i poddelki istoricheskogo oruzhija [Some issues of collecting, authenticity, restoration and counterfeiting of historical weapons]. *Sb. nauch. statej Pervoj mezhdunarodnoj konferencii: Imperija i Kavkaz. Issledovanija. Kollekcii. Restavracija* [Sat. scientific articles of the First International Conference: Empire and the Caucasus. Research. Collections. Restoration], pp. 156-166. SPb., «Fortpost» Publ.

Kabardino-russkie otnoshenija v XVI-XVIII vekah. Dokumenty i materialy v 2 tomah [Kabardino-Russian relations in the 16th-18th centuries. Documents and materials in 2 volumes], v.1. Nalchik: El-Fa Publishing Center, 2006.

- Khan-Girey (1978). *Zapiski o Cherkesii* [Notes about Circassia]. - Nalchik: Book publishing house "Elbrus".
- Khotko, S.Kh. (2001). Cherkesskoe piratstvo [Circassian piracy]. *Istorija Cherkesii* [History of Circassia], P. 249-269. St. Petersburg.
- Klaproth G. Yu. (1974). Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinjatoe v 1807—1808 gg. [Travel through the Caucasus and Georgia, undertaken in 1807-1808]. *ABKIEA*. P. 235-280. Nalchik.
- Kokiev G.A. (2005). *Istorija Kabardino-Balkarii v trudah G.A. Kokieva. Sbornik statej i dokumentov* [History of Kabardino-Balkaria in the works of G.A. Kokieva. Collection of articles and documents]. Nalchik: El-Fa. 904 p.
- Kuleshov Yu.A. (2010). Proizvodstvo i import oruzhija kak puti formirovanija zolotoordynskogo kompleksa vooruzhenij [Production and import of weapons as a way to form the Golden Horde weapons complex]. *Zolotoordynskaja civilizacija* [Golden Horde civilization], Issue 3, pp. 73-97. Kazan: "Fen" of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.
- Kuleshov Yu.A. (2014). Oborot oruzhija v Zolotoj Orde [Weapons circulation in the Golden Horde]. *Zolotoordynskaja civilizacija* [Golden Horde civilization], No. 7, P. 199-251. Kazan.
- Kulinsky A.N. (2005). *Russkoe holodnoe oruzhie* [Russian edged weapons]. St. Petersburg, Atlant Publ.
- Kurmanovsky B.S. (2010). Sabel'nye klinki v Rossii XVI-XVII vv.: morfologija i konstruktivnye osobennosti. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Saber blades in Russia in the 16th-17th centuries: morphology and design features]. Dissertation for the degree of candidate of historical sciences.
- Kurochkin A.Yu. (2016). Dlinnoklinkovoe oruzhie mogolov v XVI veke [Long-bladed weapons of the Mughals in the 16th century]. *Mir oruzhija: istorija, geroi, kollekcii. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii 21-22 oktjabrja 2016 g.* [World of weapons: history, heroes,

- collections. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. October 21-22, 2016. Tula. pp. 187-189.
- Lavrov L.I. (1966). *Jepigraficheskie pamjatniki Severnogo Kavkaza X-XVII vv.* [Epigraphic monuments of the North Caucasus of the X-XVII centuries]. Moscow.
- Lhulier L. (1991). Cherkessija. Istoriko-jetnograficheskie stat'i [Circassia. Historical and ethnographic articles]. *Materialy dlja istorii cherkesskogo naroda* [Materials for the history of the Circassian people], vol. 1. Nalchik.
- Malov S.E. (1953). Izuchenie jarlykov i vostochnyh gramot [Study of labels and oriental letters]. *Izuchenie jarlykov i vostochnyh gramot* [Academician V.A. Gordlevsky on his seventieth birthday. Digest of articles]. M.
- Matuzova V.I. (1979). *Anglijskie srednevekove istochniki IX –XIII vv.* [English medieval sources of the 9th–13th centuries]. M.
- Miloserdov D.Yu. (2016). Afganskaja shashka [Afghan shashka]. *Istoricheskoe oruzhievedenie* [Historical weapons science], No. 3, P. 48 - 62.
- Nakov F.R. (2004). Cherkesskoe (adygskoe) klinkovoe oruzhie. Avtoreferat dissertacii kandidata istoricheskikh nauk [Circassian (Adyghe) bladed weapons. Abstract of the dissertation of a candidate of historical sciences].
- Nekrasov A.M. (2015). *Izbrannye trudy* [Selected works]. Nalchik.
- Nogmov Sh.B. (1994). *Istorija adyhejskogo naroda, sostavlennaja po predanijam kabardincev* [The history of the Adykey people, compiled according to the legends of the Kabardians]. Nalchik.
- Novitsky G.V. (1884). Topograficheskoe opisanie severnoj pokatosti Kavkazskogo hrebta [Topographic description of the northern slope of the Caucasus Range]. «*Kubanskije oblastnye vedomosti*» [“Kuban Regional Gazette”], No. 38.
- Orlenko S., Novosyolov V., Kurmanovsky V. (2019). K voprosu o bulatnom oruzhii russkoj raboty XVII v. (po materialam byvshego arhiva Oruzhejnoi palaty) [Revisiting the Russian Weapons from Crucible Steel in the 17th Century (a

case study of the former archive of the Armoury Chamber)]. *Istoricheskoe oruzhievedenie* [Weapons History Journal], № 7, pp. 6 — 88.

Pletnev S.A. (1973). Drevnosti chernyh klobukov [Antiquities of black hoods]. *SAI*. - M.

Podrobnoe opisanie Persii [Detailed description of Persia]. Part 2. Moscow.

Polozhenie o Kavkazskom linejnom kazach'em vojsk [Regulations on the Caucasian linear Cossack army]. St. Petersburg.

Potto V.A. (2007). *Kavkazskaja vojna* [Caucasian War]. M.

Prokopenko V.M. (2012). Kratkij ocherk istorii severokavkazskoj sabli so shtykovym ostriem [A brief sketch of the history of the North Caucasian saber with a bayonet point]. *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov: Sb. nauch. tr.* [Military affairs of the Ulus of Jochi and his heirs: Sat. scientific tr.], pp. 284-295. Astana: Foliot Publ.

Puteshestvie po Krymu akademika Pallasa v 1793 i 1794 godah [Travel through the Crimea of Academician Pallas in 1793 and 1794. Per. with him. M.S. [Iavich]; Ed. F.K. Bruna and G.E. Karaulova]. *ZOOID*. v.12, pp. 62–208. Odessa.

Rodin A.A. (2023). Shashka v nozhnah s galunami. Primer pamjatnika dekorativno-prikladnogo iskusstva, ob#edinjajushhego jetnografiju i istoricheskoe oruzhievedenie [A saber in a scabbard with galloons. An example of a monument of decorative and applied art that combines ethnography and historical weapons science]. *Vojna i oruzhie. Nove issledovanija i materialy. Trudy Odinnadcatoj Mezhdunarodnoj Nauchno-prakticheskoj konferencii* [War and weapons. New research and materials. Proceedings of the Eleventh International Scientific and Practical Conference], Part III. St. Petersburg.

Salnikov A.V. (2014). K voprosu ob atribucii nekotoryh shlemov Severnogo Kavkaza XII-XVI vv. [On the question of the attribution of some helmets of the North Caucasus of the 12th-16th centuries]. *Teorija i praktika*

arheologicheskikh issledovanij [Theory and practice of archaeological research], v. 19, No. 3, P. 91-106.

Seidaliev E.I. (2009). Jevoljucija klinkovogo oruzhija srednevekovyh kochevnikov v stepjah juzhnoj Ukrainy i Kryma do vtorzhenija mongolo-tatar [The evolution of bladed weapons of medieval nomads in the steppes of southern Ukraine and Crimea before the invasion of the Mongol-Tatars]. *Bosporskie issledovanija* [Bosporus Research], vol. XXI, P. 364-374. Simferopol - Kerch.

Shatum R.B. (2007). Voennoe delo Adygov v srednie veka» (vtoraja polovina VIII-XVII vv.) [Military affairs of the Adygs in the Middle Ages (second half of the 8th-17th centuries)]. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Maykop.

Sheremetyev D.A. (2022). Sderzhannost' i agressivnost' [Restraint and aggressiveness]. *Teorija i praktika regionovedenija. Tom V. Trudy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy regionovedcheskoj konferencii «Regionalistika Kavkaza»* [Theory and practice of regional studies. Volume V. Proceedings of the III International Scientific and Practical Regional Studies Conference "Regional Studies of the Caucasus"], pp. 481-519. St. Petersburg.

Shikhsaidov A.R., Aitberov T.M., Orazhev G.M.-R. (1993). *Dagestanskije istoricheskie sochinenija* [Dagestan historical works]. M., "Science", Publishing company "Eastern Literature".

Sokrovishha prikladnogo iskusstva Irana i Turcii XVI-XVIII vekov. Iz sobranija Gosudarstvennyh muzeev Moskovskogo Kremlja: Kat. Sost. I.I.Vishnevskaja i dr. [Treasures of applied art of Iran and Turkey of the 16th-18th centuries. From the collection of the State Museums of the Moscow Kremlin: Cat. Comp. I.I. Vishnevskaya and others]. M., Soviet Artist Publ. 71 p.

Talantov S.V. (2021). K voprosu o bytovanii shashki na Kavkaze i Donu vo vtoroj polovine XVIII veka [On the question of the existence of sabers in the

- Caucasus and the Don in the second half of the 18th century]. *Vojna i oruzhie. Novye issledovanija i materialy. Trudy Desjatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 12-14 maja* [War and weapons. New research and materials. Proceedings of the Tenth International Scientific and Practical Conference May 12-14], Part 2. St. Petersburg.
- Talantov S.V., Dvalishvili L.B. (2019). Izobrazhenija shashka v monumental'noj zhivopisi zapadnoj Gruzii XVII veka [Images of shashka in monumental painting of western Georgia of the 17th century]. *Vojna i oruzhie. Novye issledovanija i materialy. Trudy Devjatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 15-17 maja* [War and weapons. New research and materials. Proceedings of the Ninth International Scientific and Practical Conference May 15-17], Part II, pp. 394-407. St. Petersburg, 2019.
- Tarikh - e Jahangoshay-e Naderi. Soroush Press & Negar Books. Tegeran, 1991.
- Tebu de Marigny (1974). Puteshestvija v Cherkesiju v 1818 godu [Travels to Circassia in 1818]. *ABKIEA*. P. 291–322. Nalchik.
- Tizengauzen V.G. (1941). *Sbornik materialov, odnosjashhija k istorii Zolotoj Ordy (izvlechenie iz persidskih sochinenij* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde (extracts from Persian writings)], v. II. M.
- Tolstoy L.N. (1932). *Zapiski o Kavkaze. Poezdka v Makaj-Jurt. Polnoe sobranie sochinenij pod obshhe redakciej V.G.Chertkova* [Notes on the Caucasus. Trip to Makai-Yurt. Complete works edited by V.G. Chertkov], Vol.3. M.-L.
- Tornau F. F. (1864). Vospominanija kavkazskogo oficera [Memoirs of a Caucasian officer]. «*Russkij vestnik*» [“Russian Herald”], v.53, No. 9.
- Veselovsky N. (1877). *Ocherk istoriko-geograficheskikh svedenij o Hivinskom hanstve s drevnejshih vremjon do nastojashhego vremeni* [Essay on historical and geographical information about the Khiva Khanate from ancient times to the present]. St. Petersburg.
- Zaitsev I.V. (2015). Berat sultana Murada III na imja Mehmeda o naznachenie ego sandzhakbeem Kafy i jemirom cherkesskih zemel' (1590 g.) [Berat of Sultan

Murad III in the name of Mehmed about his appointment as sanjakbey of Kafa and emir of the Circassian lands (1590)]. *Srednevekovyj Vostok: istoriografii i istochnikovedenija (Sbornik statej pamjati Geroja Sovetskogo Sojuza, akademika Z.M.Bunijatova)* [Medieval East: historiography and source studies (Collection of articles in memory of the Hero of the Soviet Union, academician Z.M. Buniyatov)]. Baku: Elm Publ.

Zapadno-Kavkazskie gorcy i nogajcy v XVII stoletii po Pejsonelju. Materialy dlja istorii Zapadno-Kavkazskih gorcev [Western Caucasian highlanders and Nogais in the 17th century according to Peysonel. Materials for the history of the West Caucasian highlanders]. *Kubanskij sbornik* [Kuban collection], Volume 2.

Zevakin E.S., Penchenko N.A. (1938). *Očerki po istorii genujezskih kolonij na Zapadnom Kavkaze v XII i XV vv.: Istoricheskie zapiski* [Essays on the history of the Genoese colonies in the Western Caucasus in the 12th and 15th centuries: Historical notes].

Zheleznov V.F. (1906). Istoricheskie svedenija o bulate v Rossii [Historical information about Bulat in Russia]. *Beljaev N.T. O bulatah (s prilozheniem Istoricheskikh svedenij o bulate v Rossii V.F. Zheleznova i Opisanija kollekcii vostochnogo oruzhija D.K. Chernova)* [About bulat (with the attachment of Historical information about Bulat in Russia, V.F. Zheleznov and Descriptions of the Oriental Weapon Collection by D.K. Chernov)]. SPb.